

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

_____ /О.В. Магировская/

_____» _____ 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

КАТЕГОРИЯ ЛОКАТИВНОСТИ В ЯЗЫКАХ БАНТУ

45.04.02 Лингвистика

45.04.02.01 Лингвистика и межкультурная коммуникация

Магистрант

Научный руководитель

Нормоконтролер

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЛОКАТИВНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	6
1.1. Теории локативности	6
1.2. Локативность в языках мира	9
1.3. Локативность в языках банту	14
1.3.1. Ареально-типологический обзор группы	14
1.3.2. Лингвистическая характеристика языков банту.....	20
1.3.3. Система именных классов языков банту.....	24
1.3.4. Локативные классы в языке суахили	30
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	38
ГЛАВА 2. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКАХ БАНТУ	40
2.1. Методология исследования	40
2.2. Сопоставление локативных конструкций в языках банту.....	42
2.2.1. Вариативность локативной маркировки в языках банту	42
2.2.2. Согласование в именной группе	54
2.2.3. Глагольное согласование	57
2.2.4. Локативная инверсия	62
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	67
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	71
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	81

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование представляет собой попытку комплексного сопоставительного анализа формальных показателей и семантики локативных конструкций в языках банту. Актуальность данной работы определяется малой степенью систематизации информации о локативности в языках банту в сопоставительном аспекте.

Объектом исследования выступает категория локативности в языках банту.

Предметом исследования являются показатели локативных классов языков банту и их семантика.

Целью работы является сопоставление локативных показателей языков банту и выявление их семантики.

Поставленная цель требует выполнения ряда задач:

1. изучить лингвистические работы, посвященные локативности;
2. дать характеристику языкам банту как языкам с категорией локативности;
3. провести поиск и анализ грамматик и описаний языков банту для формирования эмпирической базы исследования;
4. исследовать локативные показатели и их семантику на основе эмпирического материала.

Теоретической базой исследования послужили труды зарубежных и отечественных ученых в области локативности (И.А. Мельчук, В.А. Плунгян, А.Е. Кибрик, С. Левинсон, М. Боверман, Ю.В. Мазурова, С. Свороу), африканского языкознания (А.Ю. Желтов, В.Ф. Выдрин, А.А. Жуков, Н.В. Громова, Н.В. Охотина, Дж. Гринберг, Г. Сежерер, Д. Нерс, Б. Хайне, Д.А. Ольдерогге, Н.М. Гиренко, М. Гасри, Э. Эштон, Дж. Махо, С. Майнхоф, Х. Батибо и др.), и именной классификации (В.А. Виноградов, А.А. Жуков, И.А. Мельчук, Дж. Гринберг, К.И. Поздняков и др.). Их труды позволили сформулировать теоретические

основания для настоящей работы, а также сформировать методологический подход к исследованию категории локативности в языках банту.

Материалом исследования послужили следующие языки банту: лефо (A15), мокпе (A22), дуала (A24), басаа (A43), бафия (A50), этон (A71), галва (B11c), лумбу (B44), лингала (C30), монго (C60), кикуйю (E51), камба (E55), чага (E62), гого (G11), кагулу (G12), часу (G22), самбаа (G23), бондей (G24), луганда (JE15), макве (G402), мвиини (G412), суахили (G42), маоре (G44b), кеуче (G35), бена (G63), киньяруанда (JD61), хайа (JE22), нгангела (K12), лози (K41), луба-касаи (L31a), санга (L35), бемба (M42), чичева (N31), кувабо (P34), чувабу (P30), макува (P31), ломве (P32), ндонга (K22), гереро (R30), йейи (R41), тсвана (S31), сесото (S33), нгуни (S40), зулу (S42), свати (S44), тонга (S64), теке (T70). Кроме того, нами были составлены корпусы статей из онлайн-энциклопедии «Википедия» для языков суахили (G42), лингала (C30), кикуйю (E51), луганда (JE15), сесото (S33), киньяруанда (JD61), кикуйю (E51), тсвана (S31), сесото (S33).

В работе использовались сопоставительный анализ, а также семантический и корпусный анализы.

Результаты настоящей магистерской диссертации были представлены на Международной научной конференции «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (ИЯ РАН, Москва, 16 февраля 2017 г.), Международной научной конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (СФУ, Красноярск, 25 мая 2017 г.), конференции "Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции Русского мира» (Красноярск, 15 сентября 2016 г.), Международной конференции «Молодежь и наука» (Красноярск, 16 апреля 2016 г.). Некоторые результаты исследования опубликованы в двух статьях: статья в электронном сборнике материалов международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Перспектив-2016» Сибирского федерального университета «Swahili and Mwiini: Comparison of

Noun Classes»; статья «Семантика локативных классов языка суахили» - в печати.

Структура работы соответствует теме, цели и задачам исследования. работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения. В первой главе «Локативность как категория современного языкознания» рассматривается понятие локативности, способы выражения локативных отношений в языках мира и дается краткая характеристика языков банту, а также приводятся данные о языке суахили и представленных в нем локативных классах. Во второй главе «Сопоставительный анализ локативных конструкций в языках банту» описывается методология исследования и проводится сопоставительный анализ локативных конструкций и их семантики в языках банту, в частности, освещаются вариативность локативной маркировки, согласование в именной группе, глагольное согласование и локативная инверсия. Объем работы: 82 страницы. Список использованной литературы включает 119 источников.

ГЛАВА 1. ЛОКАТИВНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1.1. Теории локативности

Восприятие человеческим сознанием и кодировка в языке пространственных отношений вариативны и специфичны. Ю.М. Лотман отмечает, что “пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой “здравый смысл”. При этом у обычного человека эти /и ряд других/ пласты образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое... На этот субстрат накладываются образы, создаваемые искусством или более углубленными научными представлениями, а также перекодировкой пространственных образов на язык других моделей. В результате создается сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм” [Лотман 1996: 296].

Существует значительное количество работ, посвященных категории локативности, что демонстрирует важность ее изучения. Следует отметить, что сравнительно небольшое количество работ посвящено типологическим исследованиям локативных показателей. В значительном количестве типологических работ исследуются локативные показатели какой-либо группы языков, например работы А.Е. Кибрика [Кибрик 1970] и Я.Г. Тестелец [Тестелец 1980] по дагестанским языкам, Дж. Лира [Leer 1989] по атабаскским языкам, С. Левинсон и У. Хавиланд [Levinson & Haviland 1994] по языкам майя, Г. Сенфта [Senft 1997] по папуасским и австронезийским языкам, а также работы Б. Бернардо [Bennardo 2002] по океанийским языкам. Одним из первых типологических исследований локативных показателей в различных языках является работа С. Свороу [Svorou 1994], посвященная сопоставлению сходств и различий локативных показателей в языках мира (на материале 26 неродственных языков), кроме того, автор затрагивает вопросы диахронической эволюции

данных показателей. Также представляют интерес исследования по концептуализации пространства, проведенные под руководством С. Левинсон и М. Боверман в Институте психолингвистики им. Макса Планка в Нидерландах [Levinson & Brown 1994; Levinson 1996; Levinson, Wilkins 2006; Ameika & Levinson 2007]. Данные работы посвящены вопросу взаимодействия мышления и языка и связаны с «координатными» локативными показателями, то есть с теми показателями, которые отражают местоположение объекта по отношению к другому объекту. Одной из составляющей исследований С. Левинсон является вопрос о влиянии языка на усвоение детьми, материалом исследования являются показатели разных языков с локативной семантикой. Важной типологической работой является статья В.А. Плунгяна, посвященная глагольной ориентации, где предпринимается попытка классификации пространственных значений, выраженных в различных языках с помощью аффикса в составе глагольной словоформы [Ганенков 2005]. В частности, автор предлагает различать локализации относительные и абсолютные. По В.А. Плунгяну, «локализация есть, собственно, не что иное, как указание на положение определенного участка пространства относительно определенного ориентира. Иными словами, ориентир мыслится как объект, организующий вокруг себя некоторое пространство» [Плунгян 2002: 66]. С описанием языкового выражения пространства связаны также разработка теории функционально-семантического поля А.В. Бондарко и В.Г. Гака [Бондарко 1996]. Согласно данной теории, основу либо ядро лексического строя языка составляют лексические единицы, а на периферии располагаются грамматические элементы, и вся область включается в более широкую сферу строя языка. Пространственная соотнесенность, являясь универсально-мыслительной категорией, находит свое отражение в языке через категорию локативности [Азизова 2011: 147]. В рамках разрабатываемой М.В. Всеволодовой практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка примечательна системы

именных локативных значений. Согласно данной теории, пространственные отношения в общем виде есть соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира - локума. Локум - это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений [Всеволодова 2000].

Заметны значительные терминологические расхождения в работах, посвященных категории локативности. Исследователи используют различные понятия, например, концепт и категория (Е.С. Кубрякова), значение места, движения и др. (Г.А. Золотова), семантическая категория (А.В. Бондарко), и т.д. Для обозначения используются также различные термины - «пространство» (А. Николова, О.В. Мякшева и др.), «локация» (И.А. Мельчук, В.А. Плунгян и др.), «локативность» (А.В. Бондарко, В.Г. Гак и др.), «локальность» (Е.А. Новикова, Л.А. Рохлина и др.). Заметно преобладание работ, где локативность рассматривается в семантическом аспекте. Например, в «Теории функциональной грамматики» во вступлении к главе «Локативность» А.В. Бондарко даёт следующее определение: «Локативность трактуется нами как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как функционально-семантическое поле, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений».

Следует отметить, что в нашем диссертационном исследовании термин «локативность» используется в узком понимании, как, например, у Г.А. Золотовой в «Синтаксическом словаре» в рамках общего пространственного значения «локатив» определяется как компонент со значением местонахождения, «директив» - компонент, выражающий

направление движения, ориентированного действия, и «транзитив» - компонент со значением пути движения [Золотова 2006: 430].

Разночтения в трактовке локативности могут быть связаны с природой языка, на материале которого эта категория анализируется. В традициях африканского языкознания локативность понимается как формальная структурная категория, поскольку в языках банту, например, она кодируется последовательно и регулярно.

1.2. Локативность в языках мира

Языки мира демонстрируют огромное разнообразие семантических, лексических и грамматических средств кодирования пространства, фокусируясь на разных аспектах пространственных отношений и используя разные системы пространственных координат.

Эти средства выражения пространственных отношений могут быть лексическими или грамматическими. К лексическим единицам с пространственной семантикой относятся глаголы движения, позиционные основы, имена существительные и прилагательные, демонстративы и наречия [Мазурова 2007: 46]. Грамматические средства выражения пространственных отношений делятся на номинанты, морфологически и/или синтаксически связанные с именами, вербанты, связанные с глаголами, а также на транскатегориальные показатели, способные присоединяться как к именным, так и к глагольным основам. К номинантам относятся служебные пространственные имена, адлоги (предлоги и послелоги), именные аффиксы и локативные падежи и классы, к вербантам – вспомогательные глаголы в сериальной конструкции, глагольные модификаторы, отделяемые приставки, глагольные аффиксы и локативно-директивные основы. В качестве транскатегориальных показателей обычно выступают грамматикализованные наречные частицы [Мазурова 2007: 60].

Так, например, в корейском и японском языках для выражения пространственных отношений используются локативные существительные и глаголы, другие языки характеризуются использованием местных падежей (например, финский язык; примечателен табасаранский язык, где представлены 40 местных падежей). В нивском языке пространственные отношения выражаются с помощью послелогов. В английском же, к примеру, широко представлены локативные предлоги. Локативные конструкции даже таких близкородственных языков, как английский и немецкий демонстрируют значительные семантические и формальные различия. Более того, языки мира значительно различаются и в выборе системы координат. Показательным примером является язык манам, носители которого живут на небольшом острове. В данном языке есть два локативных показателя, *ilau* ‘по направлению к морю’ и *auta* ‘по направлению к внутренней части острова’. Также, в зависимости от того, в какую сторону смотрит человек - в сторону моря или вглубь острова - используются показатели *ata* ‘слева, если стоять лицом к морю и справа, если стоять лицом к внутренней части острова’, либо *awa*, имеющий противоположное значение. В манам представлен широкий спектр различных локативных конструкций с данными локативными показателями. Путем прибавления суффикса *-lo* носители языка выражают движение в какую-либо из сторон [Lichtenberk 1983: 78].

(1) a) ata i-s' oaPi

слева если стоять лицом к морю 3SG.REL-находиться

‘он слева слева если стоять лицом к морю’

b) au'ta-lo i'-oro

остров-MOTION 3SG.REL-идти по направлению к морю

‘от пошел к морю’ (Lichtenberk 1983: 78)

Следует отметить, что здесь и далее используется лейпцигская система правил поморфемного глоссирования, то есть в строке между оригинальным текстом и переводом помещаются пояснения, для того, чтобы соотнести текст и перевод с точки зрения грамматики. Используемые в работе глоссы представлены в приложении А.

Некоторые языки демонстрируют наличие локативных показателей, которые употребляются лишь в определенных контекстах и с определенными референтами. Как, например, в языке аламблак (язык, распространенный в Папуа - Новой Гвинее) определенные локативные показатели встречаются лишь в конструкциях, где присутствуют лексемы, обозначающие дома, каноэ, либо большие природные объекты и т.д. [Bucsee 1984: 85]. Подобные локативные показатели встречаются также в брабантских диалектах нидерландского языка:

(2) a) rawof

’внутри’ (только с каноэ)

b) mefha

’снаружи’ (только с каноэ) (Hinskens 2014: 308)

Представляет интерес исследование типов глаголов, которые используют носители языков, принадлежащих разным языковым семьям, при ответе на вопрос «Где находится X?», проведенное Ф. Амека и С. Левинсон [Ameka & Levinson 2007]. Были выделены четыре основных типа локативной предикации в немаркированном локативном выражении в разных языках мира:

Тип 0 - отсутствие глагола в локативной конструкции. Следует отметить, что использование безглагольных конструкций для выражения локативных отношений в языках данного типа не является единственным способом локативной маркировки, однако является самым частотным.

Ниже приведен пример подобной безглагольной локативной конструкции в австроензийском языке салиба, распространенном в Папуа Новой-Гвинее:

- (3) (Kaputi-wa) iya ede tebolo-ne unai
чашка 3SG PRSUP стол-DET.SG
‘Чашка на столе’ (Dunn et al. 2007:875)

Тип 1 - один глагол в локативной конструкции. Данный тип языков является наименее распространенным в мире [Ameika & Levinson 2007:856]. К языкам данного типа относятся английский, японский, тамильский, чукотский языки, а также языки эве и трио. Ниже приведен пример из языка эве:

- (4) Kɔpu-a le kplɔ-a dzi
чашка-DEF располагаться стол-DEF стол
‘чашка на столе’ (Essegbey 2005:239).

Тип 2 - небольшое количество глаголов в локативной конструкции. В данном типе языков используются постуральные либо контрастивные позициональные глаголы, обычно это глаголы ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’, также в некоторых языках продуктивен глагол ‘висеть’. Если ни один из указанных выше глаголов не релевантен, то используется экзистенциальный глагол [Ameika & Levinson 2007:859]. К языкам данного типа относятся, например, языки аранда, распространенные на севере Австралии, а также датский язык и чадский язык ангасской группы гоэмай. Ниже представлены примеры из языка гоэмай:

- (5) a) Gwi t’ong k’a tebul
кальян сидеть(SG) вершина стол
‘кальян стоит на столе’ (Hellwig 2007:895)

6) Kwalba goe-t'ong k'a muk zak a haam-yim

бутылка NOMZ-сидеть верх (SG) 3SG.POSS также FOC цвет-лист

‘бутылка которая находится наверху тоже зеленого цвета’

(Hellwig 2007:904)

Тип 3 - большое количество глаголов. Языки данного типа характеризуются наличием большого количества позициональных глаголов (от 7 до 100), семантика этих глаголов очень подробна. Глаголы описывают объекты, которые характеризуются различными свойствами: вертикальные и горизонтальные объекты, мягкие и твердые, крупные и маленькие и т.д. В локативной конструкции должен обязательно присутствовать глагол. Также, как правило, в языках данного типа присутствует экзистенциальный глагол, который употребляется в том случае, если один из более конкретных глаголов не является релевантным. К языкам данного типа относятся, например, немецкий, цельтальский, сапотекский и язык ликпе [Ameika & Levinson 2007a:850, 856]. Ниже представлен пример из языка ликпе, который относится к группе языков ква и распространен в Гане:

(5) O-kaniə faka li ə-punu ə-mə eto

CM-лампа висеть LOC CM-стол AGR-DET POSS

‘лампа висит над столом’ (Ameika 2007:1073).

Можно заключить, что в языках мира для выражения пространственных отношений используется широкий спектр формальных средств от чисто грамматических до лексических. Для выражения пространственных отношений в языках банту используются локативные классы, локативные предлоги и локативные суффиксы. По типологии локативной предикации Ф. Амека и С. Левинсон языки банту относятся к типу 1.

1.3. Локативность в языках банту

1.3.1. Ареально-типологический обзор группы

Языки банту представляют особый интерес для теории локативности, поскольку в них она кодирована структурными элементами, т.е. является эксплицитной. Прежде чем перейти к рассмотрению категории локативности в языках банту, нам представляется необходимым дать характеристику данной языковой семье. Языки банту - самостоятельная ветвь внутри Нигеро-конголезской макросемьи. Количество языков Нигер-Конго составляет 1436 [Batibo 2005: 9]. При общей численности африканского населения в 750 миллионов человек примерно 400 миллионов говорят на языках Нигер-Конго. И приблизительно 240 миллионов человек являются носителями языков банту [электронный ресурс «Ethnologue»]. Таким образом, почти треть всех африканцев говорят на языках банту.

Несомненно, открытым остается фундаментальный вопрос о том, что следует классифицировать как язык, а что - как диалект. Как правило, язык стандартизирован, имеет письменность и официальный статус. Диалекты же, напротив, не стандартизированы, не имеют письменности и официального статуса, а также взаимопонимаемы. Однако, следует отметить, что данный вопрос не ограничивается рамками лингвистики. В странах Африки южнее Сахары вопрос о статусе идиома стоит особенно остро. Эту неопределенность наглядно демонстрируют последние данные о количестве языков банту: Гасри [Guthrie 1971] называет около 440 разновидностей банту, Граймс [Grimes 1996] - 501, Бастин и др. [Bastin 1999] приводят цифру 542, Махо [Maho 2008] насчитывает около 660, а Манн, Далби и др. [Mann 1987] - 680.

Бантуговорящие этносы живут в Африке к югу от Нигерии на западе, через Центральноафриканскую Республику, Демократическую Республику

Конго, Уганду и Кению, к югу от Сомали на востоке. Большинство языковых сообществ это обширного пространства - банту. Исключение составляют небольшие регионы: на юге - быстро сокращающиеся койсанские общины; в Танзании несколько койсанских этносов; на северо-востоке области проживают более крупные общины, говорящие на кушитских языках; а вдоль и внутри северной границы много сообществ, говорящих на нилосахарских языках и языках адамауа-убанги (тоже нигер-конго, но не банту). Люди, говорящие на бантусских языках, являются коренными жителями 25 африканских стран: Анголы, Ботсваны, Бурунди, Камеруна, ЦАР, Коморских островов, Конго, Демократической Республики Конго, Экваториальной Гвинеи, Габона, Кении, Лесото, Мадагаскара, Малави, Майото, Мозамбика, Руанды, Сомали, Южной Африки, Судана, Свазиленда, Танзании, Уганды, Замбии и Зимбабве.

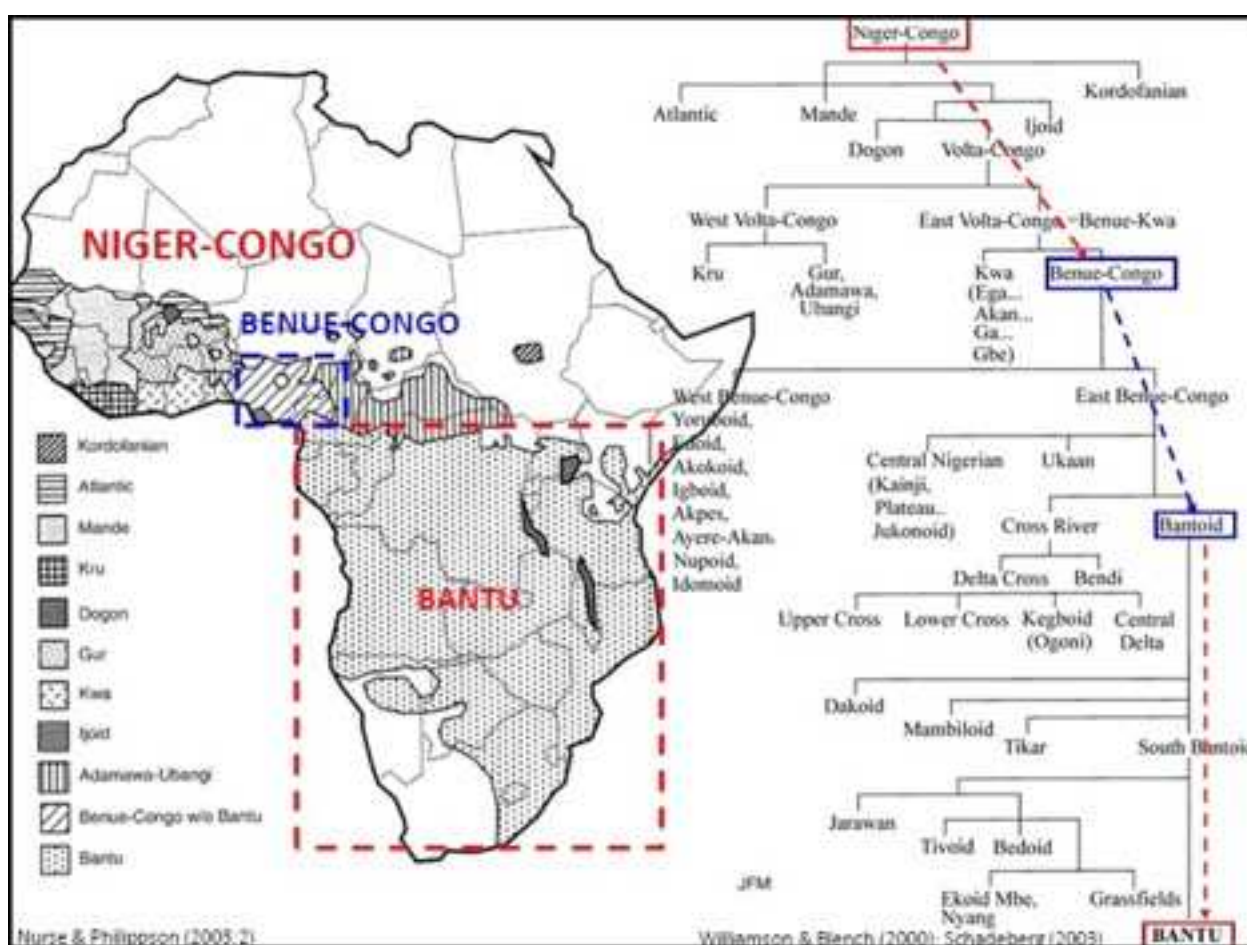

Рисунок 1. Языки банту в составе Нигеро-конголезской макросемьи [Nurse & Phillipson 2003: 2]

Началом бантуистики как научной дисциплины стала работа немецкого миссионера Вильгельма Блика. В 1851 году он представил к защите диссертацию, написанную на латыни в университете Бонна, которая являлась сравнительным исследованием южноафриканских языков банту. Как полагают, именно он ввел в научный оборот термин «банту». [Bostoen 2004: 132]. После этой новаторской работы появляется довольно большое количество сравнительно-исторических исследований по языкам банту, например, лексические и грамматические реконструкции предполагаемого праязыка [Meinhof 1932, Bourquin 1953, Meeussen 1969, Guthrie 1967-1971, Bastin 2002] и исследования генетического родства языков [Guthrie 1948, Heine 1973, Henrici 1973, Coupez 1975, Bastin 1999]. Хотя эти сопоставительные исследования всегда диахроничны, они основываются исключительно на синхронных данных, так как большинство языков банту не имеют (или не имели до сравнительно недавнего времени) письменности. Бесписьменный или не документированный язык не может быть интегрирован в их исследования.

В настоящее время практически все исследователи сходятся на том, что банту является одной из нескольких семей в составе нигеро-конголезской макросемьи, однако некоторые моменты все еще остаются дискуссионными. Главная трудность заключается в определении принадлежности к банту языков восточной части Нигерии. По последним данным, около пяти тысячелетий назад сообщество банту покинуло свою родину на нигерийско-камерунской окраине и распространилось на юг и восток через тропический лес, достигнув современного распределения к началу первого столетия нашей эры [Vansina 1995: 38]. Потомки мигрировавших этносов в настоящий момент проживают в центральной, восточной и южной частях Африки. Те, кто остался, не продвинулись в глубь континента, и сейчас являются так называемыми северо-западными банту. Таким образом, они лингвистически взаимодействовали с

носителями других нигеро-конголезских языков в течение приблизительно пяти тысяч лет. В результате северо-западные языки банту утратили некоторые характерные лингвистические черты языков банту и настолько сходны с некоторыми другими языками Нигер-Конго, что провести между ними грань довольно затруднительно. Данный вопрос остается не до конца решенным [Williamson and Blench 2000].

Рисунок 2. Миграции банту [Nurse & Phillipson 2003: 4]

Генетические классификации направлены в первую очередь на предоставление практической референтной таксономии. Хотя в последние

несколько десятилетий появились другие классификации языков банту [Mann, Dalby и др. 1987; Grimes 2000], несомненно, классической и наиболее авторитетной является классификация Гасри. Данная классификация подвергалась многочисленным корректировкам и дополнениям в течение многих лет (с 1948 по 1967-1971 годы) [Maho 1999]. В окончательной версии языки банту были разделены на 15 зон, обозначенных A, B, C, D, E, F, G, H, K, L, M, N, P, R, S. К представленным выше зонам бельгийские ученые позже добавили J. Зоны, в свою очередь, состоят из девяти групп, пронумерованных 10, 20, 30 и т. д. Каждая группа также включает в себя до девяти языков, которые имеют несомненные лингвистические и лексические сходства. Таким образом, зона A является первой из его зон (она находится на северо-западе), A20 - это группа очень похожих языков в пределах A, а A24, например, - языку дуала. Строчные буквы после номера используются для обозначения диалектов (например, A11a или A15b). Подобная кодировка позволяет идентифицировать язык, поэтому сложилась традиция сопровождать название языка данной кодировкой. Метод Гасри частично опирается на географические данные, частично - на лингвистические. Итак, согласно классификации М. Гасри, языки банту подразделяются на 15 зон:

Таблица 1. Языковые зоны банту

Зона	Регион	Основные языки
A	Камерун и граничащие с ним страны	лунда-балонг, дуала, бубе-бенга, баса, бафия, санага, яунде-фанг, мако-нджем, кака
B	Конго	мйене, келе, тсого, шира-пуну, нджаби, мбете, теке, тенде-янзи
C	Конго	ингунди, мбоши, мбанги-нтумба, нгомбе, соко-келе, монго-нкунду, тетела, куба

D	Руанда и Бурунди	мболе-эна, лега-каленга, бира-хуку, конджо, бембе-кабвари, руанда-рунди
E	Уганда, Кения, Танзания	нйоро-ганда, хайа-джита, масаба-лукхья, роголи-куриа, кикуйю-камба, чагга, ньика-таита
F	центральная Танзания	тонгве, сукума-ньямвези, иламба-иранги
G	Танзания, острова Занзибар и Пемба	суахили, бена-кинга, гого, шамбала, зигула-зарамо, поголо
H	юг Конго и северная Ангола	конго, мбунду, яка, мбала
K	юго-восток Анголы, северо-запад Замбии, Ботсвана	чокве-лучази, лози, луяна, субиа
L	Ангола и Ботсвана	пенде, сонге, луба, каонде, нкоя, лунда
M	Танзания, Замбия, Малави	фипа-мамбве, ньика-сафва, конде, бемба, биса-ламба, лендже-тонга
N	Танзания, Малави, центральный Мозамбик	манден, тумбуку, ньянджа, сенга-сена
P	северо-восток Мозамбика, юго-восток Танзании	матумби, яо, макуа
R	юго-запад Анголы, север Намибии, Ботсвана	умбунду, ндонга, гереро, йейе
S	Зимбабве, Мозамбик, ЮАР, Ботсвана, Лесото, Свазиленд	шона, венда, сото-тсвана, нгуни, тсваронга, чопи

Языки банту характеризуются наличием сходных лингвистических характеристик как в фонологии, так и в морфологии и синтаксисе, ввиду чего представляется необходимым дать краткую лингвистическую характеристику данным языкам.

1.3.2. Лингвистическая характеристика языков банту

В данном разделе описываются лингвистические особенности, характерные для языков банту. Фонологически языки банту характеризуются открытой структурой слога и наличием тонов (как правило, в языках банту представлены два тона, высокий и низкий). Тоны могут выражать как лексические, так и грамматические значения, например:

(6) лексический тон:

mténgo – mtengo [чичева N31]
цена – дерево

(7) грамматический тон :

ndi-n'a-f'otokoz-a – ndi-na-f'ot'okoz-a [чичева N31]
1SG.SBJ-PST-объяснять – 1SG.SBJ-REC.PST- объяснять
'Я объяснил' - 'Я только что объяснил' (Mtenje, 1987: 172)

Количество фонем в языках банту колеблется от 22 до 53. Существует 4 основных типа систем вокализма: пятичленные, семичленные, десятичленные и четырнадцатичленные [Охотина 1990: 69]. Данные типы реализуются за счет противопоставления признаков открытости и закрытости, а также долготы и краткости. В языках зоны Е действует правило Майнхофа (т.е. ассимиляция согласных в первом из двух соседних слогов), в то время как в зоне F реализуется закон Даля (явление диссимиляции согласных двух соседних слогов), а в языковой зоне R -

закон куньяма (падение носового второго слога при соположении слогов, включающих носовые и палатальные) [Топорова 1975: 38].

Согласно морфологической классификации языка банту - агглютинативные. Важной морфологической особенностью языков банту является система именных классов, которую называют доминантой грамматического строя банту. Количество данных классов варьируется, так, например, в языке зулу их 13, а в суахили - 15. Классы подразделяются на предметные, грамматические, предметно-грамматические [Громова 2004: 47]. Предметные классы включают в себя так называемые классы людей, деревьев, абстрактных понятий. Грамматические классы могут быть аугментативными, локативными, диминутивными и инфинитивными. Префиксы классов на синтагматическом уровне служат основой для формирования согласовательных цепочек:

(8) ki-tabu hiki ki-zuri ki-mepig-wa [суахили G42]

7CL-книга 7CL.DEM 7CL-красивый 7CL-PRF-издавать-PASS

‘эта красивая книга издана’

Помимо субъекта и, в некоторых случаях, префиксов объектов, глагольные формы могут содержать ряд других грамматических обозначений, таких как отрицание, время и вид, пассив, аппликатив, каузатив и др. Так, императив представляет собой глагольный корень и конечный гласный:

(9) Bwer-a! [чичева N31]

идти-FV

‘иди!’

В качестве исходного момента для предоставляемого ниже парадигматического анализа представляется целесообразным использовать

формальный критерий разделения морфем на противопоставленные группы. Для языков банту таким формальным критерием может служить позиция, занимаемая морфемами в составе глагола. В морфологической структуре могут быть выделены определенные позиции, заполняемые конечным списком морфем [Желтов 2009]. Арабскими цифрами обозначены факультативные позиции, а римскими – обязательные.

n - a - ue - m – vonn - a “я его которого вижу” [мвиини G412]

-4 -III -2 -1 0 II

-4 субъектный глагольный показатель, соответствующий именному классу субъекта высказывания

-III видо-временной префикс

-2 показатель релятива

-1 объектный глагольный согласователь

0 – основа глагола

II глагольные суффиксы

a - na – andik - a “он пишет” [суахили G42]

-4 - III 0 II

-4 субъектный глагольный показатель, соответствующий именному классу субъекта высказывания

-III видо-временной префикс

0 – основа глагола

II глагольные суффиксы

si - co - ø – som - i - «я не читаю» [мвиини G412]

-5 -4 - III 0 II

-5 показатель отрицания

-4 субъектный глагольный показатель, соответствующий именному классу субъекта высказывания

-III видо-временной префикс

0 – основа глагола

II глагольные суффиксы

Посткорневые аффиксы являются деривационно-реляционными морфемами, увеличивающие как семантическую, так и грамматическую валентность глагола. Некоторые из этих аффиксов выражают категорию залога (суахили: -pata 'получать', -patia - транзитив, -pasa - каузатив, -patilia - двойной транзитив, -patiwa - пассив, -patana - взаимный залог и т. п.) [Громова 1994: 37].

В системе местоимений наибольшее семантическое и формальное разнообразие обнаруживают посессивы и демонстративы. Демонстративы могут иметь до 5 ступеней дифференциации. Однако, следует отметить, что большинство языков банту демонстрируют 3 ступени противопоставлений: этот / этот упомянутый - тот (суахили: ha- / ha-...-o - -le); этот - тот/тот упомянутый (лингала: -yo-na/-ngo); этот - тот - вон тот/ в пределах видимости (зулу: la- - la-...-o/la-...-ya) [Охотина 1990: 70].

Также Н.В. Охотина отмечает, «что в языках банту, особенно восточных регионов, широко представлены межразрядные грамматические категории, релятивная и копулятивная формы. Релятивный показатель маркирует имя, глагол, прилагательное и местоимение. Копулятивный показатель, оформляя существительное, местоимение и другие части речи, делает возможным их спряжение по лицам, числам и некоторым временам» [Охотина 1990: 70].

Основной прием организации слов в синтагме - согласование. По Н.В. Охотиной, порядок слов в предложении фиксирован - SPO, а в именной группе порядок слов образуются по моделям:

1. префикс + корень;

2. препрефикс + префикс + корень;
3. префикс + корень + суффикс;
4. препрефикс + префикс + корень + суффикс/ суффиксы [Охотина 1990: 70].

Также следует отметить, что в языках банту есть форма пассива, но нет сериальных конструкций. Широко распространена редупликация.

Как отмечалось выше, наличие системы именных классов является доминантой грамматического строя языков банту. Прежде чем перейти непосредственно к локативным классам, нам представляется необходимым дать характеристику системе именных классов в целом.

1.3.3. Система именных классов языков банту

В отличие от большинства европейских языков, в которых представлены два или три рода (мужской, женский, средний), в языках банту мы находим ряд отдельных так называемых классов существительных, которые зачастую комбинируются в родовые пары.

Традиционной является проблема разграничения понятий класс/род. Основным критерием для выделения рода и именного класса является согласование. Многообразие явлений, связанных с именной классификацией входит в противоречие с ограниченным списком критериев для их разграничения.

Между родом и классом есть различия как в семантике (как правило, род, противопоставляет референтов по полу, именные классы — нет), так и в инвентаре классификаторов (родов обычно меньше, чем классов) [Поздняков 2006: 203]. Следовательно, семантика именных классов обычно более ясна, нежели семантика рода. Несмотря на относительную «прозрачность» семантики именного класса, практически все реальные языки обнаруживают многочисленные «нарушения принципов именной классификации» [Поздняков 2006: 204]. В.А. Плунгян отмечает, что

«...согласовательный класс остается при этом чисто синтаксической категорией: выбор нужной согласовательной модели происходит в результате обращения к грамматической характеристике лексемы-контролера, а не в результате прямого обращения к ее значению» [Плунгян 2000: 152]. А.Ю. Желтов подчеркивает, что без привлечения семантики невозможно выделить системы именной классификации, отличающиеся от числовых или референциальных парадигм, делая вывод, что «...признаками наличия грамматической именной классификации является формальная выраженность для каждого имени некоторой классифицирующей семантики (...) при важной роли кумулятивного характера маркеров и/или избыточности формальных средств выражения» [Желтов 2008: 60].

Классы существительных банту морфологически репрезентируются как префиксы для существительных и согласные маркеры для других синтаксических составляющих (например, прилагательные, числительные, глаголы и т. д.). Так, в языке суахили существительное *kitabu* 'книга' состоит из префикса *ki* (указывающего на принадлежность к существительному) и номинальный корень *tabu*. Кроме того, во фразе *kitabu kidogo* 'маленькая книга' мы видим прилагательное *kidogo* 'маленький', которое состоит из согласовательного маркера *ki* и корня прилагательного *dogo*.

(10) <i>ki-tabu ki-dogo</i>	[суахили G42]
6CL.SG-книга	
‘маленькая книга’	

Из целого ряда традиционных описаний семантического содержания классов существительных языков банту Хендрикс [Hendrikse, Poulos 1990: 199-201] предлагает следующее обобщение:

Таблица 2. Семантика классов в языках банту

Классы существительных	Семантическое содержание	Классы существительных	Семантическое содержание
1	Люди	11	Длинные, тонкие объекты
1a	Имена собственные		Языки
	Термины родства		Части тела
	Персонификация		Природные явления
2	Соответствующий плюральный класс классу 1		Инструменты и приспособления
2a	Соответствующий плюральный класс классу 1a		Аугментативы
3	Природные явления		Дерогативы
	Части тела	12	Диминутивы
	Растения		Амелиоративы
	Животные		Дерогативы
4	Соответствующий плюральный класс классу 3	13	Соответствующий плюральный класс классу 12
5	Природные явления	14	Абстрактные существительные
	Животные		Сообщества
	Части тела		Локативы
	Собирательные существительные		Инфинитивы
	Люди с ограниченными возможностями	15	Инфинитивы
	Аугментатив	16	Локативы
	Дерогативы	17	Локативы
6	Соответствующий плюральный класс классу 5	18	Локативы
	Жидкости	19	Диминутив
	Указания времени	20	Дерогативы
	Маньеризмы		Аугментативы

	Действия		Диминутивы
7	Части тела		Маньеризмы
	Инструменты		Аугментативы
	Насекомые и животные		Дерогативы
	Языки	22	Соответствующий плюральный класс классу 20
	Болезни	23	Локативы
	Особенные люди	11	Длинные, тонкие объекты
	Мелиоративы		Языки
	Дерогативы		Части тела
	Диминутивы		Природные явления
	Аугментативы		Инструменты и приспособления
	Куртативы		Аугментативы
	Маньеризмы		Дерогативы
8	Соответствующий плюральный класс классу 7	12	Диминутивы
9	Животные		Амелиоративы
	Люди		Дерогативы
	Части тела	13	Соответствующий плюральный класс классу 12
	Инструменты и приспособления	14	Абстрактные существительные
	Природные явления		Сообщества

[Hendrikse & Poulos 1992: 199-201]

Хендрикс и Поулос [Hendrikse & Poulos, 1992: 201] придерживаются мнения, что, несмотря на гетерогенность вышеупомянутого семантического содержания, существующие классы, как представляется, имеют общий знаменатель. Данный знаменатель образуется из семантических деталей каждого класса.

Дальнейший анализ вышеупомянутых значений каждого класса позволяет выявить некоторые общие значения, связанные с определенными

классами. Эти общие значения, называемые «параметрами» [Hendrikse & Poulos 1992: 203], являются тем, что и формируют основной знаменатель в ряде классов:

Таблица 3. Общие значения именных классов

Классы	Общие знаменатели
1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10	Предметность
11, 12, 13, 19, 20, 21, 22	Качественность
16, 17, 18, 23	Локативность
14, 15	Абстрактность

Следует отметить, что еще со времен К.Майнхофа, автора так называемой «предметной» и «вещественной» классификации, которая основана на семантическом критерии выделения классов, и до настоящего времени исследователи пытаются выделить принципы семантической классификации. Исключением является М. Гасри, сторонник формального и согласовательного критериев.

В основе еще одного подхода к интерпретации семантики именных классов языков банту лежит психологический эксперимент, проведенные Бертоном и Кирком [Burton, Kirk 1976]. Носителям языка кикуйю были предложены определенные лексемы, относящий к разным классам, и при поэтапном рассмотрении лексических триад информанты указывали на различия. Оказалось, что первичные различия, на которые обращают внимание носители языка не зависят от классов, а основываются на сходстве значений. Предполагается, что все современные системы классов существительных в языках банту восходят к исходной системе прото-банту [Maho 1999: 50-51]. Большинство реконструкций, которые были предложены, насчитывают около 20 существительных, однако практически во всех современных языках банту присутствует меньшее их количество. На настоящий момент существует несколько реконструкций систему

классов порто-банту. Следующая таблица содержит данные о формальным показателях реконструированных классов:

Таблица 4. Показатели классов в порто-банту

Класс	Блик (1869)	Майнхоф (1932)	Мееуссен (1967)	Гасри (1971)	Велмерс (1974)	Демус (200)
1	*mʊ-	*mʊ-	*mʊ-	*mo-	*mʊ-	*mʊ-
2	*ba-	*va-	*ba-	*ba-	*va-	*va-
3	*mʊ-	*mʊ-	*mʊ-	*mo-	*mʊ-	*mʊ-
4	*mi-	*mi-	*mi-	*me-	*mi-	*mi-
5	*di-, *li-	*li-	*i-	*ji-	*li-	*li-
6	*ma	*ma	*ma	*ma	*ma	*ma
7	*ki-	*ki-	*ki-	*k-	*ki-	*ki-
8	*pi-	*vi-	*bi-	*bi-	*vi-, *li-	*vi-, *di-
9	*n-	*ni-	*n-	*nj-	*ni-	*ni-
10	*thin-	*li, ni-	*n-	*nj-	*li-ni-	*di-n-
11	*lʊ-	*lʊ-	*dʊ-	*do-	*lʊ-	*lʊ-
12	*ka-	*ka-	*ka-	*ka-	*ka-	*ka-
13	*tʊ-	*tʊ-	*tʊ-	*to-	*tʊ-	*tʊ-
14	*bʊ-	*vʊ-	*bʊ-	*bo-	*vʊ-	*vʊ-
15	*kʊ-	*kʊ-	*kʊ-	*ko-	*kʊ-	*kʊ-
16	*pa-	*pa-	*pa-	*pa-	*pa-	*pa-
17		*kʊ-	*kʊ-	*ko-	*kʊ-	*kʊ-
18		*mʊ-	*mʊ-	*mo-	*mʊ-	*mʊ-
19	*pi-	*pi-	*pi-	*pi-	*pi-	*pi-
20	*yu-					
21	*yu-					
(22)						
23			*yu-			

Таким образом, Вильгельм Блик реконструировал шестнадцать классов, Карл Мейнхоф изменил некоторые фонологические функции и добавил дополнительные префиксы, доведя общее число классов до двадцати одного. Мееуссен сократил восстановленные префиксы до девятнадцати, но добавил дополнительный локативный префикс. Малькольм Гасри позже реконструировал те же девятнадцать классов, что и Мееуссен, однако убрал локативный префикс 23 класса. Практически во всех реконструкциях префиксов именных классов маркеры локативных 16, 17 и 18 классов одинаковы. Также сходна семантика данных локативных классов во всех реконструкциях: 16 класс - проксимальный, 17 класс - дистантный, 18 класс - местоположение внутри чего-либо. Ниже представлены информация о локативных классах в языке суахили как пример организации локативной подсистемы банту. Выбор языка суахили обусловлен высокой степенью описанности и его статусом лингва-франка.

1.3.4. Локативные классы в языке суахили

Язык суахили является одним из крупнейших языков Африки. В настоящее время ареал распространения суахили охватывает всю Танзанию, Кению, значительные территории Уганды и Заира, отдельные районы Руанды и Бурунди, север Мозамбика, Замбии, Малави, южное побережье Сомали и северо-запад острова Мадагаскар. Суахили является лингва-франку, и общее число говорящих на суахили колеблется по разным источникам от 70 до 150 млн.

Суахили используется во всех сферах повседневной жизни. В общественной жизни он используется в политике, а также в судах и парламенте Танзании. Также язык суахили играет важную роль в торговле, где он широко используется в маркетинге банковской деятельности. Язык суахили обладает богатым культурным наследием. Язык суахили возник предположительно в 12–13 вв. как комплекс городских койне,

сложившихся в результате креолизации местных языков банту в условиях тесного контакта с арабским языком и обслуживавших разнородные в языковом отношении торговые центры побережья Восточной Африки. До начала 19 в. за пределами собственного ареала суахили не использовался [Жуков 1997: 4]. Проникновение суахили в глубь африканского континента, населенного многочисленными этносами с собственными языками, начинается в первой четверти 19 в. стараниями сначала купцов и работорговцев с побережья, а позднее миссионеров и колониальных чиновников и осуществляется относительно быстро (весь процесс занял около века) [Amidu 1997: 64].

В 1920-х годах благодаря усилиям Восточноафриканского языкового суахилийского комитета был создан «стандартный суахили» — нормированная и кодифицированная форма языка. В процессе кодификации и нормализации суахили многие изначально заимствованные арабские слова были заменены на английские и бантусские. Под влиянием норм английского языка был усложнен синтаксис. Суахили достиг статуса языка научной литературы для академического сообщества, о чем свидетельствует растущий объем специализированных публикаций в таких областях, как лингвистика, литература и социальные науки. Суахили преподают в начальной и средней школах Танзании и Кении, а также суахили являются языком обучения в начальных школах Танзании [Mulokozi 2002: 35]. Он также преподаётся в университетах в Восточной Африке, как и в некоторых других частях Африки и по всему миру. Рост и использование суахили ускоряется благодаря его использованию в средствах массовой информации - на этом языке выпускаются многочисленные газеты, радио- и телепередачи. Важность суахили подтверждается многочисленными трансляциями на донном языке такими вещательными корпорациями, как «Голос Америки», «Немецкая волна» и «Радио Японии» и, самое важное, язык суахили является рабочим языком Африканского союза.

Согласно классификации Дж.Гринберга, суахили относится к бантоидной ветви бенуэ-конголезских языков, входящей в семью нигер-конго. По классификации М.Гасри, суахили входит в зону G языков банту (G42). По своим внутрилингвистическим свойствам суахили – типичный язык банту с характерной фонетикой и развитой системой именных классов, но при этом с большим слоем арабской лексики и заимствованными фонемами (только в корнях арабского происхождения) [Whitely: 215].

Язык суахили - агглютинативный, а по контенсивной типологии суахили относится к аккузативным языкам¹. Проиллюстрируем на примерах:

(11) mtoto a-na-kwenda

ребенок 3Sg.SUBJ-PRS -идти

‘ребенок идет’

(12) Ali a-na-ki-soma ki-tabu

Али 3SG.SUBJ-PRS—7KLOBJ-читать 7SG-книга

‘Али ест еду’

(13) Ali a-na-lala

Али 3SG.SUBJ-PRS -спать

‘Али спит’

Стандартный порядок слов - SVO. Маркирование в суахили – вершинное². Например:

(14) Mimi ni-na-wa-ona Mohiadin na Abdukadir

---

¹ В номинативных языках предложения с переходными и непереходными глаголами кодируются одинаково. Статичный и активный член предложения не противопоставляются, а пассивный актант обозначается особо.

² Роли выражаются глагольной индексацией.

я 1SG.SUBJ-PRS–2PLOBJ.–видеть Мохиадин и Абдукадир
Я вижу Мохиадина и Абдукадира.

Доминантой грамматического строя языка суахили, как и других банту, являются именные классы имен существительных, то есть все имена существительные делятся на группы соответственно своим показателям именного класса. Каждое имя существительное имеет в зависимости от класса, к которому оно относится, определенный префикс. Система именных классов языка суахили представлена ниже:

Таблица 7. Система именных классов суахили

Именн ой класс	Префикс	Пример	Семантика
1 Sg.	m-/mw	mtu	Люди. животные
2 Pl.	wa-/w-	watu	
3 Sg.	m-/mw-	mti	Растения, части тела, природные явления
4 Pl.	mi-	miti	
5 Sg.	Ø-/ji-/j	jicho	Собирательные существительные, дерогативы, природные явления
6 Pl.	ma-	macho	
7 Sg.	ki-/ch-	kitu	Диминутив, части тела, аугментативы
8 Pl.	vi-/vy	vitu	
9 Sg.	n-/ny-/m-/ Ø-	nguo	Абстрактные существительные, заимствования
10 Pl.	n-/ny-/m-/ Ø-	nguo	
11 Sg.	u- (w-)	uso	Названия предметов
14 Sg.	u- (w-)	weupe	Абстрактные существительные
15	ku-	kusoma	Инфинитивы
16	pa-	mahali	Локативные классы
17	ku-		
17	m-		

Таким образом, как и в некоторых других банту, в языке суахили есть 3 локативных класса. Следует отметить, что отличительной особенностью данных классов является то, что они не занимают препрефиксальную позицию при согласовании. Маркеры локативных согласовательных классов реализуются лишь в синтагме, имя существительное оформляется полисемантическим суффиксом [Громова 1994: 159]. Существует довольно большое количество описаний локативных классов и их семантики в языке суахили. Так, Эштон в его классической грамматике языка суахили отмечает, что локативная форма имен существительных образуется присоединением суффикса *-ni* [Ashton 1944: 44]:

(15) *numba-ni*

дом-LOC

‘в доме’

Также в грамматиках отмечается, что в языке суахили оформляться суффиксом *-ni* могут существительные всех классов, кроме имен собственных, наименований животных и мест. В грамматике Полеме отмечается, что существуют еще некоторые ограничения в использовании локативного суффикса *ni*, например, с квалификационными прилагательными [Polomé 1967: 132]. Подобная информация представлена и в грамматиках Эштон и Уилсона [Wilson 1985: 61; Ashton 1947: 19]. В частности, Уилсон отмечает, что в локативных конструкциях с демонстративами или прилагательными следует использовать предлог *katika*, а не локативный суффикс *ni*:

(16) *Ni-li-nunu-a n-dizi katika duka dogo li-le.*

1SG.SUBJ–PAST-покупать-FV Cl.10-банан LOC Cl.5-магазин Cl.5-маленький Cl.5-тот

‘я купил бананы в том маленьком магазине’ (Polomé 1967: 132)

Существительные в локативной форме согласуются особым образом, по одному из локативных классов. Всего таких согласователей три: *p(a)-*, *ku-/kw-*, *tu-/mw-*. Сходные описания локативных классов приводятся и в других работах о языке суахили [Haddon 1955; Wilson 1985]. Практически во всех грамматиках языка суахили отмечается, что к локативным классам относится только одно существительное *mahali*, которое оформляется показателем одного из локативных классов (*m-ahali*, *p-ahali* и *kw-ahali* соответственно).

Семантика локативных классов определяется следующим образом: 16 класс с показателем *pa* используется для обозначения в пространстве близких либо находящихся на поверхности объектов, 17 класс с показателем *ku* используется для объектов неопределенного местоположения, 18 класс с показателем *tu* используется для указания на местонахождение внутри, например:

(17) а) Kisima-ni m- na maji

колодец- LOC 18SM-есть вода

‘в колодце есть вода’ (Ashton 1944:128)

б) Nara pa- me- kufa simba

здесь 16SM-TAM-умирать лев

‘лев умер здесь’. (Ashton 1944:128)

в) Mwivi a- li- ku- kimbilia mto-ni

вор 3SG.SUBJ-TAM-17OM-убегать река-LOC

‘вор убежал к реке’ (Maw 1976:393)

18 класс, наряду с 16 классом, может быть использован не только для выражения пространственных отношений, но и для выражения условия совершения действия и темпоральных отношений [Громова 1995: 166].

Язык суахили также демонстрирует использование локативов в атрибутивных конструкциях:

- (18) a) *taa y-a barabara-ni*
свет 9-GEN дорога-LOC
‘светофор’
- b) *simu y-a mkoно-ni*
телефон 9-GEN рука-LOC
‘мобильный телефон’

В языке суахили представлены две экзистенциальные конструкции, в которых используются показатели локативных классов. Одна из которых образуется путем присоединения к притяжательной частице локативного субъектного показателя, а другая - путем присоединения к субъектному показателю не-локативного класса локативной частицы. Обе конструкции используются для выражения экзистенциальности, однако локативная семантика в подобных конструкциях практически утрачивается:

- (19) a) *Ku-na ma-endeleo*
SM17-PossCOP 6-развитие
‘есть развитие’
- b) *Wa-tu wa-po.*
2-человек SM2-LOC.COP16
‘там есть люди’

Важно отметить, что другие языки банту демонстрируют иные стратегии локативной маркировки, в частности, в отличие от языка суахили, показатели локативных классов занимают препрефиксальную позицию. Подробнее данные стратегии рассматриваются в следующей главе.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Языки мира демонстрируют огромное разнообразие семантических, лексических и грамматических средств кодирования пространства, фокусируясь на разных аспектах пространственных отношений и используя принципиально разные системы пространственных координат.

К числу основных теорий локативности можно отнести:

- теория функционально-семантического поля А.В. Бондарко;
- теория именных локативных значений М.В. Всеволодовой;
- типология локализаций и ориентиров В.А. Плунгяна;
- типология локативных предикации в языках мира С. Левинсон и М.

Боверман;

Языки банту представляют особый интерес с точки зрения локативности, поскольку в них эта категория выражена эксплицитно в системе именных классов.

Языки банту характеризуются следующими особенностями:

- открытая структура слога и наличие как грамматических, так и лексических тонов;
- согласно морфологической классификации языки банту - агглютинативные;
- посткорневые аффиксы являются деривационно-реляционными морфемами;
- семантическое и формальное разнообразие обнаруживают посессивы и демонстративы;
- широко представлены межразрядные грамматические категории, релятивная и копулятивная формы;
- основной прием организации слов в синтагме - согласование, порядок слов - SPO;
- наличие системы именных классов.

Система именных классов языков банту может быть представлена в следующем виде:

Таблица 8. Общие значения именных классов

Классы	Общие знаменатели
1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10	Предметность
11, 12, 13, 19, 20, 21, 22	Качественность
16, 17, 18, 23	Локативность
14, 15	Абстрактность

К числу локативных классов в языках банту (на примере языка суахили) относятся 16, 17 и 18 классы. Семантика локативных классов определяется следующим образом: 16 класс (показатель *ра*) используется для обозначения в пространстве близких либо находящихся на поверхности объектов, 17 класс (показатель *ки*) используется для объектов неопределенного местоположения, 18 класс (показатель *ти*) используется для указания на местонахождение внутри. Маркеры локативных согласовательных классов реализуются лишь в синтагме, имя существительное оформляется полисемантическим суффиксом *ни*.

Для протобанту реконструируют три локативных класса с префиксами *ра* (16 класс), *ки* (17 класс) и *ти* (18 класс); *р(а)-* используется для конкретного места, *ки-* используется для неопределенного места, *ти-* используется для места внутри чего-либо.

ГЛАВА 2. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКАХ БАНТУ

2.1. Методология исследования

Прежде всего, следует отметить, что языковые данные для сопоставительного анализа главным образом получены из грамматик и описаний языков банту. Несомненно, подобный метод сбора данных имеет некоторые недостатки. Самым очевидным является то, что грамматики написаны представителями разных стран и разных лингвистических направлений, что порой снижает возможность адекватного сопоставления имеющихся данных. Кроме того, в подобных описаниях может не оказаться полного (в редких случаях - даже частичного) материала об описываемом лингвистическом явлении. Таким образом, грамматические описания прежде всего использовались как своеобразные корпуса данных по исследуемым языкам. Также некоторые из подобных грамматик датируются 19 веком, и использование языковых примеров подобных грамматик не представляется возможным для описания синхронного состояния языка. После тщательного изучения нами были отобраны 47 различных языков банту: лефо (A15), мокпе (A22), дуала (A24), басаа (A43), бафия (A50), этон (A71), галва (B11c), лумбу (B44), лингала (C30), монго (C60), кикуйю (E51), камба (E55), чага (E62), гого (G11), кагулу (G12), часу (G22), самбаа (G23), бондей (G24), луганда (JE15), макве (G402), мвиини (G412), суахили (G42), маоре (G44b), кеуче (G35), бена (G63), киньяруанда (JD61), хайа (JE22), нгангела (K12), лози (K41), луба-касаи (L31a), санга (L35), бемба (M42), чичева (N31), кувабо (P34), чувабу (P30), макува (P31), ломве (P32), ндонга (K22), гереро (R30), йейи (R41), тсвана (S31), сесото (S33), нгуни (S40), зулу (S42), свати (S44), тонга (S64), теке (T70).

Кроме того, существуют корпуса некоторых языков банту. В хельсинском университете под руководством Арви Хурскайнена создан

электронный корпус суахили на 12 миллионов словоупотреблений. Однако, из-за проблем, связанных с авторскими правами, он остаётся закрытым. Также частично доступен веб-корпус языка суахили (17 822 483 словоупотребления, возможен бесплатный доступ в течение 40 дней)³. Работа по созданию корпусов ведется в ЮАР. Доступен обширный корпус языка зулу. Удалось найти луганда-английский параллельный корпус, однако, оказалось, что он представляет собой тексты Евангелия от Луки и использование языковых материалов данного корпуса не представляется целесообразным ввиду отсутствия данных о корректности представленного в корпусе перевода.

Неоценимым источником языкового материала стала интернет-энциклопедия «Википедия», которая представлена на данный момент на 295 языках. Создатели Википедии предусмотрели возможность скачивания архива не только всех разноязычных Википедий, но и обсуждений правок. Благодаря этому удалось составить 8 мини-корпусов языков банту. Несомненно, нельзя считать данные корпуса полноценными, однако алгоритм показал удовлетворительные результаты в условиях поставленной задачи. Были составлены мини-корпусы для следующих языков:

Таблица 5. Корпусы на основе «Википедии»

Язык	Количество статей	Количество слов
суахили (G42)	36 074	32 466 645
сесото (S33)	7 698	5 465 580
лингала (C30)	2 823	1 954 082
киньяруанда (JD61)	1 825	985 530
кикуйю (E51)	1 339	804 476
луганда (JE15)	1 137	485 740
тсвана (S31)	652	421 836
сесото (S33)	386	188 754

³ <https://the.sketchengine.co.uk>

В связи с тем, что в корпусах был обнаружен некоторый эмпирический материал, возникла необходимость проверки текстов на соответствие закону Ципфа, который представляет собой установленную опытным путем закономерность расположения частоты слов в тексте. Согласно данному закону, частота слов в тексте должна быть почти обратно пропорциональна его месту в списке. То есть, второе по частоте упоминания в тексте слово должно использоваться в два раза реже, чем первое, а третье — в три раза реже, и так далее. Для проверки соответствию закону Ципфа был использован сайт <https://1y.ru>, позволяющий проверить на естественность контента отдельные веб-страницы, сайты целиком или тексты объемом от 100 до 5000 слов. По результатам проверки естественность текста составила 87%.

2.2. Сопоставление локативных конструкций в языках банту

2.2.1. Вариативность локативной маркировки в языках банту

Языки банту характеризуются наличием системы именных классов, в рамках которой для прото-банту реконструированы три локативных класса: 16 *pa-*, 17 *ki-*, и 18 *ti-*. Значительное количество проанализированных языков демонстрируют наличие данных классов. Класс 16 имеет адъективную семантику, выражая относительно близкое местоположение объектов, а также используется для обозначения конкретного местоположения. Класс 17 семантически наименее выраженный, используется для обозначения общего местоположения, а при использовании с глаголами движения часто переводится как «в сторону» или «от». Класс 18 используется для обозначения объектов внутри чего-либо. Префиксация аддитивная, другими словами, префикс локативного класса добавляется к префиксу другого класса (то есть, локативные

показатели являются препрефиксами), как, например, в языке бена (G63 по классификации М.Гасри), распространенном на юго-западе Танзании:

(20) а) ра-му-koga

CL16-CL3-река

‘на реке’

б) hu-му-koga

CL17-CL3-река

‘на реке’

с) му-му-koga

CL18-CL3-река

‘в реке’ (Morrison, 2011: 141)

Данную согласовательную модель демонстрируют языки многих языковых зон (G, M, K, R). Использование классов является единственным вариантом локативной маркировки:

(21) а) му-му-gunda

[кагулу G12]

18CL-3CL-ферма

‘на ферме’ (Petzell 2008: 34)

б) ра-n-ganda

[бемба M42]

16CL-9CL-дом

‘дома’ (Marten 2012: 433)

с) ку-n-jivo

[нгангела K12]

17CL-9CL-дом

‘к дому’ (Maniacky 2003: 32)

d) mu-o-n-djuwo

[гереро R30]

18CL-AUG-9CL-дом

‘в доме’ (Möhlig, Kavari 2008: 90)

В некоторых языках банту также присутствует 25 локативный класс с префиксом *e-*. Например, в языке хайа, (JE22 по классификации М.Гасри) распространенном в Танзании. Любопытно, что во многих обнаруженных примерах использования данного класса были географические названия. В языке луганда данный класс выражает пространственные отношения наряду с 17 классом, тогда как 16 и 18 классы в луганда не представлены.

(22) a) e-Kampala

[луганда E15]

25CL-Кампала

‘в Кампале’

b) ku-ky-alo

17CL-7CL-деревня

‘в деревне’ (Marten 2012: 434)

В языках нгуни (S40) и свати (S44) продуктивен локативный префикс *ka-*, который используется преимущественно для выражения принадлежности какого-либо строения некому человеку:

(23) a) ka-m-fundisi

[свати S44]

LOC-1CL-министр

‘в резиденции министра’

Альтернативным вариантом выражения пространственных отношений в языках банту является использование суффикса *-ini* (*/-ng* или *-nyi*).

Подобный способ засвидетельствован в восточных и южных банту (зоны E, G, P и S).

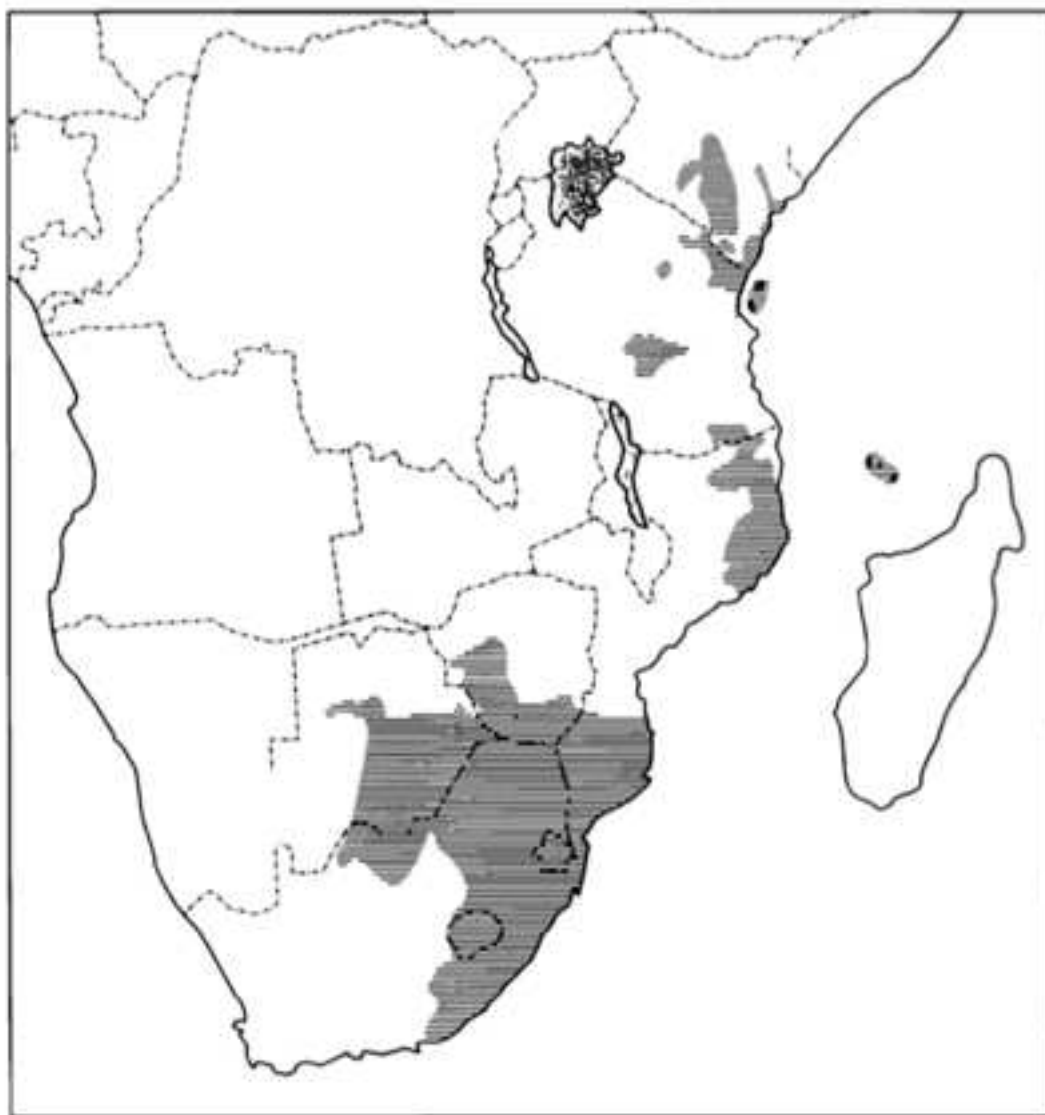

Рисунок 2. Миграции банту [Güldemann 1999: 52]

Происхождение данного суффикса точно не установлено. Согласно Самсону и Шадебергу [Samson and Schadeberg 1994], *-ni* тесно связан с демонстративами 18 класса, в то время как Хаддон [Haddon 1951] предполагает корреляцию данного суффикса с общеконголезским союзом *na* ('с'). Языки, где представлен суффикс *-ni* можно разделить на два типа: языки, где данный суффикс функционирует как единственный локативный

маркер (чага E62, сесото S33, суахили G42) и языки, где суффикс дополняет локативные префиксы (кагулу G12, зулу S42, кувабо P34):

(24) а) *va-mu-ri-ni* [кувабо P34]

16CL-3CL-дерево-LOC

‘на дереве’ (Guerois 2016: 50)

б) *mesa-nyi* [чага E62]

9CL.стол-LOC

‘на столе’ (Moshi 1995: 31)

В языке суахили оформляться суффиксом *-ni* могут существительные всех классов, кроме имен собственных, наименований животных и мест. Однако, корпусный анализ позволил выявить допустимость использования существительного *farasi*⁴ (‘лошадь’) с локативным суффиксом *-ni*. Любопытна ситуация, которая обнаруживается в локативных конструкциях с топонимом *Bukini* (‘Мадагаскар’). Вероятно, носителями языка *-ni* интуитивно воспринимается как локативный суффикс, и случаев употребления данного топонима с предлогом *katika* в веб-корпусе обнаружено не было. К локативным классам в языке суахили относится только одно существительное *mahali*, которое оформляется показателем одного из локативных классов (*m-ahali*, *p-ahali* и *kw-ahali* соответственно). Частотность употребления данных форм неравномерна, что продемонстрировано в следующей таблице:

---

⁴ здесь и далее данные из веб-корпуса языка суахили <https://the.sketchengine.co.uk>

Таблица 8. Частотность употребления *mahali*, *pahali* и *kwahali*

Лексема	Частотность
mahali	6,364 (297,95 на миллион)
pahali	154 (7,21 на миллион)
kwahali	1 (0,5 на миллион)

Таким образом, наиболее частотный является форма *mahali*, в то время как оформленная префиксом 17 класса форма *kwahali* употребляется лишь один раз, что демонстрирует ее непродуктивность.

Наконец, во многих северо-западных языках банту для выражения пространственных отношений используются предлоги. В таких языках как мокпе (A22), дуала (A24), этон (A71), лингала (C30) используется один предлог для выражения всех пространственных отношений:

(25) а) o mbowa [мокпе A22]

LOC деревня

в деревне (Atindogbe 2013:38)

б) à-ké á léràn [этон A71]

1CL-PST-go-NF LOC 5CL-лес

‘Он пошел в лес’ (Van de Velde 2008:134)

в) To-ko-kit-a na ndako nabiso [лингала C30]

1PL.SUBJ-FUT-идти-IND LOC дом POSS.1PL

Мы пойдем домой

В языке же бафия (A50), распространенном в Камеруне, представлены два продуктивных предлога с разной семантикой:

(26) a) a-dĩŋi bí c-o

SM1CL-входить LOC 7CL-лес

‘он вошел в лес’

b) bí-a-kɛː i á fy-ee

SM1PL-REC.PST-идти-EFF LOC 13-рынок

‘он шел к рынку’ (Garisma 2000: 49, 94)

Некоторые языки демонстрируют наличие локативных предлогов наряду с локативными классами. Ниже представлена подробная информация о подобных локативных предлогах языка суахили с некоторыми данными, полученными при анализе материалов веб-корпуса. В суахили предлоги используются для обозначения связи или отношения между словами в синтагме [Громова 1995: 310]. Непроизводные предлоги в суахили составляют незначительную группу - *kwa* (каузативность, директивность), *na* (‘и’), *katika* (‘и’), *hata* (‘до’), *bila* (‘без’), *hadí* (‘до’).

Эштон отмечает, что в языке суахили представлено множество сложных предлогов, основой для которых служат *kwa*, *na* и корень *-a*, например: *kwa sababu* (‘из-за’), *kwa ajili ya* (‘ради’), *karibu na* (‘рядом с’), *mbali na* (‘вдалеке’), *pamoja na* (‘вместе с’), *chini ya* (‘внизу’), *juu ya* (‘над’), *kabla ya* (‘до’ - для обозначения времени), *mbele ya* (‘до’ - для обозначения места), *baada ya* (‘до’ - для обозначения времени), *nyuma ya* (‘после’: для обозначения места), *ndani ya* (‘внутри’), *nje ya* (‘снаружи’), *katikati ya* (‘среди’) и *kati ya* (‘между’) [Ashton 1970: 195]. Локативными являются предлоги *katika*, *juu ya*, *chini ya*, *ndani ya*, *kati ya*, *nyuma ya*, *kuelekea*, *mbele ya* and *katikati*. Охарактеризуем ниже данные предлоги:

-предлог *katika*. Предлог является композитом, в основном данный предлог используется для обозначения местоположения внутри чего-либо, однако также *katika* используется (как и русский предлог ‘в’) в темпоральном контексте:

(27) a) Katika mwaka ule ku-li-nyesha sana

PREP год PAST-идет.дождь ADV

‘в том году было много дождей’

b) Katika kuzungumuza, simu i-ka-lia.

PREP разговор телефон PAST-звонить

‘во время разговора звонил телефон’

Данный предлог семантически эквивалентен локативному суффиксу *-ni*.

-предлог *juu ya*. Данный предлог используется для обозначения местоположения объекта над чем-то либо на чем-то:

(28) a) Simba a-na-simama juu ya jiwe lile.

лев 3SG-PRS-стоять PREP камень ADJ.

‘лев стоит на камне’

b) Ndege a-na-raa juu ya mlima

птица 3SG-PRS-летать PREP гора

‘птица летит над горой’

Таким образом, в отличие от предлогов русского языка ‘над’ и ‘на’, при употреблении которых необходимо учитывать наличие или отсутствие контакта объекта с поверхностью, суахилийский предлог *juu ya* используется в обоих контекстах.

-предлог *chini ya*. Эштон отмечает, что данный предлог используется для обозначения местоположения в пространстве реально существующих объектов [Ashton 970:195]. Русский эквивалент - предлог ‘под’:

(29) Mutageki a-li-kaa chini ya daraja

Мутагеки 3SG-PAST-сидеть PREP мост

‘Мутагеки сидел под мостом’

-предлог *ndani ya*. Как и предлог *katika*, используется для обозначения местоположения внутри. Исходя из контекстов употребления данных предлогов, различие заключается в том, что предлог *katika* употребляется в основном с абстрактными существительными. Ниже приведен пример употребления предлога *ndani ya*:

(30) Mpira u-mo ndani ya chumba hiki

мяч 5CL-LOC PREP комната ADJ

‘мяч в комнате’

-предлог *kati ya*. Используется для указания позиции между двумя объектами или точками:

(31) A-li-simama kati ya Moshi na Ali

3SG-PAST-стоять PREP Моши CONJ Али

‘Он стоял между Моши и Али’

Примечательно, что в языке суахили редуцированный вариант данного предлога, *katikati ya*, демонстрирует иную смысловую нагрузку и используется для обозначения положения объекта среди других:

(32) M-falme wetu a-li-simama katikati ya wa-falme w-engi

1SG:Subj-король ADJ 3SG-PAST-стоять PREP 2PL-король 2PL-другой

‘наш король стоял среди других королей’

Кроме того, предлог *katikati* также используется в значении местонахождения в центре чего-либо:

(33) Mtoto a-li-simama katikati ya uwanja.

ребенок 3SG-PAST-стоять PREP поле.

‘ребенок стоял в центре поля’

-предлог *nyuma ya*. Данный предлог используется для обозначения в пространстве объектов, располагающихся за чем-либо [Waititu and Iraga 2006: 73]:

(34) Malika a-li-panda maua nyuma ya nyumba

Малика 3SG-PAST-сажать деревья PREP дом

‘Малика сажала деревья за домом’

-предлог *kuelekea*. Используется для индикации движения объекта навстречу другому объекту:

(35) Mchezaji a-li-kimbia kuelekea uwanjani

Игрок 3SG-PAST-бежать PREP поле

‘игрок побежал к полю’

-предлог *mbele ya*. Данный предлог семантически противоположен предлогу *nyuma ya* и используется для обозначения местоположения объекта перед чем-то либо для обозначения местоположения в передней части чего-то:

(36) Mwanafunzi a-li-simama mbele ya mwalimu

Студент 3SG-PAST-сидеть PREP учитель

‘Студент сидел перед учителем’

-предлоги *penye/kwenye/mwenye*. Данные предлоги, по-видимому, эквивалентны предлогу *katika*. Наличие трех вариантов определяется согласовательными маркерами трех локативных классов. Ниже представлена частотность употребления данных форм в веб-корпусе языка суахили:

Таблица 9. Частотность употребления предлогов *penye/kwenye/mwenye*

Лексема	Частотность
penye	583
kwenye	52,060
mwenye	14,158

Таким образом, наиболее частотной является форма *kwenye*. Однако, даже сумма употреблений всех трех форм значительно уступает количеству употреблений предлога *katika*, которое составляет 205, 010.

Следует отметить, что в языках банту, где не представлены локативные классы на синхронном уровне, наблюдаются реликты данных классов, как, например, в языке басаа. Языка басаа (А43 по классификации М. Гасри) – язык банту, носители которого проживают в южном Камеруне, Экваториальной Гвинее и севере Габона. Согласно ресурсу «Этнолог», язык басаа также имеет ряд диалектов: бакем, бон, бибенг, лог, мпо, мбанг, ндокама, бассо, ндокбеле, ндокпенда и ньямтам. С связи с тем, что язык басаа находится на периферии распространения языка банту, фонетическая и фонологические системы языка значительно отличаются от других банту, согласовательная система также представлена в редуцированном виде. Однако, несомненная принадлежность к банту очевидна из-за лексического и морфологического состава [Human 2003: 47]. В басаа представлена система общекбантусских согласовательных классов, хотя и в редуцированном виде. Локативных классов на синхронном уровне развития языка нет, однако существуют реликты локативных классов,

соответствующие реконструируемым для протобанту 16 и 18 классам: 16 *pa > h-: hɕmá ‘место’ и 18 *mu > mû ‘in it’ [Grégoire 1975: 8].

Сходная ситуация наблюдается в языке тсвана (S31). На синхронном уровне развития языка система классов тсвана включает только один класс существительного, соответствующий реконструированным локативным классам банту, класс 17. Его формальный показатель χʊ- соответствует также инфинитивному 15 классу. Морфологические элементы других локативных классов банту (16 или 18) по-прежнему идентифицируемы в тсвана. Наблюдаются семантические свойства, характерные для классов 16 и 18:

Таблица 6. Реликты локативных классов в тсвана

наречие	предлог	существительное
χʊdímʊ ‘сверху’	χʊdímʊ χá- ‘на’	li-χʊdímʊ ‘верх(cl. 5)’
mʊgáχʊ ‘позади’	mʊgáχʊ χá- ‘за’	bʊ-mʊgáχʊ ‘задняя сторона (cl.14)’

Семантика локативных классов в языках банту эквивалентна семантике реконструированных для порто-банту 16, 17 18 классов. Однако корпусный анализ семантики локативных классов языка суахили позволил выявить, что реализация традиционной семантики локативных классов происходит в случаях необходимости конкретизации местоположения объектов в пространстве. На синхронном уровне развития языка наблюдается некоторое размытие четкой семантической дифференциации между локативными классами. Таким образом, в одном предложении могут присутствовать показатели как 16, так и 17 классов. Однако, ситуация также может быть сходна с представленной в языке свати (S44), где наблюдаются случаи эксплетивного употребления показателя 17 класса.

(37) a) Nchi-ni kote pa-li-fanyika sherehe

страна-LOC 17-весь 16-PAST-делатьRES:DECAUS праздники
'по всей стране проводили праздники' (Громова 1995:166)

b) Tu-li-kwenda ofisi-ni kw-angu amba-po m-geni a-li-subiri

1PL:Subj-PAST-идти офис-LOC 16-мой который-17 1SG:Subj-гость
1Sg:Subj-PAST-ждать
'мы пошли в офис где ждал гость'

Обобщая приведенную выше информацию, можно отметить, что языки банту демонстрируют вариативность в средствах выражения локативности. Самым распространенным типом языков являются языки с локативными классами. Однако, также присутствует значительное количество языков, где локативные отношения выражаются с помощью одного или нескольких предлогов либо с помощью локативного суффикса. Некоторые языки характеризуются использованием нескольких способов выражения локативных отношений. Наряду с локативной морфологией в языках банту представляют интерес локативные согласовательные модели в именной группе, так как возникает закономерный вопрос о том, будет в синтагме происходить согласование по локативному классу, либо по классу изначального существительного.

2.2.2. Согласование в именной группе

В тех языках банту, в которых использование префиксов локативных классов не продуктивно, используется суффикс -ni, а с помощью анализа согласовательных цепочек представляется возможным обнаружить показатели данных локативных классов:

(38) a) nyumba-ni ha-ngu

[бондей G24]

9CL.дом-LOC 16CL-POSS.1SG

‘у меня дома’

b) nyumba-ni kwa-ngu

9CL.дом-LOC 17CL-POSS.1SG

‘ко мне домой’

c) nyumba-ni mwa-ngu

9CL.дом-LOC 18CL-POSS.1SG

‘в моем доме’ (Grégoire 1975: 69)

В отличие от языков зоны G , локативные формы языков зоны E, которые также используют вариант суффикса *-ni*, демонстрируют согласование не по локативному классу, а по классу первоначального существительного:

(39) nyumba-ni yao

[камба E55]

9CL.дом-LOC 9CL.POSS

‘в их доме’

Аналогичная ситуация наблюдается, например, в языке свати (S44), где присутствует маркер локативного класса, а согласование происходит по классу изначального существительного:

(40) ku-ba-fana b-ami

[свати S44]

LOC-2CL-мальчик 2CL-POSS.1SG

‘у моих мальчиков’ (Marten 2010: 257)

Также в некоторых языках (например, луганда (JE15), чичева (N31) , кагулу (G12), киньяруанда (JD61) представляется возможным использовать любую их описанных выше согласовательных моделей:

(41) pa-nyanjá p-ánga / y-ánga

[чичева N31]

16CL-9CL.озеро 16CL-мой 9CL-мой

‘на моем озере’

В языке нгангела помимо согласования по локативным классам также возможно согласование по 5 классу:

(41) wɸ-njivo ku-lu-twe lya-njivo

17.CON-дом 17-11-перед 5.CON-дом

‘перед домом’ (Maniacky 2003: 171)

Как отмечалось выше, в языке киньяруанда возможен выбор согласовательной модели, однако согласование по локативному классу всегда происходит по 16 классу, даже если семантика и формальные показатели демонстрируют принадлежность к 17, 18 или 25 классам:

(42) a) ku ru-haánde ha-níni

[киньяруанда JD61]

17.LOC 11CL-сторона 16CL-большой

‘на большой стороне’

b) mu n-zu ha-iizá

18.LOC 9 CL-дом 16CL-красивый

‘в доме красиво’

c) i-nyuma h'-i-módoká

25.LOC-9CL.сзади 16CL.ASS-AUG-5CL.машина

‘позади машины’ (Zeller 2016: 35)

Несмотря на то, что было обнаружено довольно большое количество языков, где согласование может быть выбрано из двух альтернативных вариантов, данные языки демонстрируют широкую вариативность при согласовании в синтагме. Так, например, в языке луба-каси (L31a), демонстративы согласуются по локативным классом, однако прилагательные могут быть согласованы лишь по классу первоначального существительного [Stappers 1949: 76]. Также было замечено, что числительные имеют тенденцию к согласованию с первоначальными существительными. Хотя Грегори приводит следующий пример из языка санга (L35):

(43) mu-ma-zubo mu-bidi

18.LOC-6CL-дом 18CL-два

‘в двух домах’ (Grégoire 1975: 24)

Согласовательная модель может зависеть от синтаксического положения. Например, если демонстративы в языке луба-каси (L31a) занимают в синтагме позицию после локатива, согласование происходит не по локативному классу.

Таким образом, в именной морфологии согласование может быть как по локативному классу, так по классу первоначального существительного. Следует отметить, что модель, где согласование происходит по классу первоначального существительного, а не по локативному классу, представлена в большинстве западных банту (зоны Н, К, R). В то время как некоторые языки банту демонстрируют только одну из данных стратегий, в других допустим выбор согласовательной модели. Далее рассматриваются глагольные согласовательные модели.

2.2.3. Глагольное согласование

Локативы в языках банту характеризуются не только согласованием в именной группе, но также демонстрируют глагольное согласование как с субъектом, так и с объектом. Ниже представлены примеры из языков разных зон:

(44) a) ku-m-lomo ku-fimb-a ku-gati [кагулу G12]

17CL-3CL-рот SM1.7CL-опухать-FV 17CL-внутри
'рот опух изнутри' (Petzell 2008: 75)

b) ku-mu-dzi kw-angu ku-ma-sangalats-a a-lendo [чичева N31]

17CL-3CL-деревня 17CL-НАВ-приветствовать-FV 2CL-гости
'твоя деревня приветствует гостей' (Mchombo 2004: 5)

c) ho nji-liku-koθ-a ha-tumbal-a [нгангела K10]

16CL.место 1SG-PRS.PROG-спать-FV SM16.EFF-быть.чистый-FV
'место где я сплю чистое' (Maniacky 2003: 35)

В языках банту, которые на синхронном уровне развития уже не обладают реконструируемой для прото-банту системой их трех локативных классов, а представлены один либо два локативных класса, глагольная морфология сводится к согласованию по существующим классам или классу. Так, в языке кикуйю локативы образуются путем присоединения локативного суффикса *-ini*, а также в данном языке представлен корень *-ndũ* 'место', который принимает согласовательный маркер 16 класса для обозначения в пространстве некоего конкретного места, либо согласовательный маркер 17 класса для обозначения более общего места (например, местность или район). По конкретному локативному классу и будет осуществляться субъектное и объектное согласования:

(45) a) ha-ndu ha-aha ha-rend-a ku-rim-w-o [кикуйю E51]
16CL-место16CL-DEM.I SM16-хотет-FV 15CL-развивать-PASS-FV
‘это место нужно развивать’

b) ku-ndu gu-uku ku-rend-a ku-rim-w-o
17CL-место 17CL-DEM.I SM17-хотеть-FV 15CL-развивать-PASS-FV
‘это место нужно развивать’ (Githiora 2003: 17)

Южные банту характеризуются использованием в синтагме субъектного согласоваться 17 класса, который, в большинстве случаев является эксплетивным. В представленном ниже примере из языка свати (S44) локативное существительное **endini** маркировано согласователем 25 локативного класса наряду с наличием локативного суффикса *-ini*, также присутствует локативный согласовать 17 класса:

(46) e-n-dl-ini ku-ya-shish-a
LOC.25-9CL-дом-LOC SM17-PRS-быть.жарко-FV
‘в доме жарко’ (Marten 2010: 255-256, 262)

Было замечено, что подобные случаи эксплетивного употребления показателя 17 класса в южных банту представлены главным образом в безличных конструкциях:

(47) χu-ópel-a ba-sadi [тсвана S31]
SM17-петь-FV 2CL-женщина
‘там поет женщина’

Глаголы во многих языках банту также могут быть маркированы локативным объектным согласователем. Данные согласователи могут быть

либо префиксами (например, в самбаа (G23), макве (G402), чичева (N31)), либо энклитиками (как, например, в языке хайа (JE22)):

(48) a) n-za-ha-chi-m-nhk-a Killa ki-tabu ha-ja [самбаа G23]
SM1SG-PFV.DJ-OM16-OM7-OM1-давать-FV Килла 7-книга 16-DEM
'я дал там Килле книгу' (Riedel 2007: 200)

b) pa-kaya pa-ake ni-na-ra-may-a [макве G402]
16CL-9CL.город 16CL-POSS1 SM1SG-PRS.IPFV-OM16-знать-FV
'я знаю где его дом' (Devos 2008: 64)

В языке бемба встречаются как префиксы, так и локативные энклитики. Кроме того, как отмечает Мартен, отсутствие энклитики в следующем примере будет грамматической ошибкой [Marten 2007: 291]:

(49) mu-ŋ-gânda bá-alí-séndam-a-mó
18-9-дом SM2-PST-спать-FV=LOC18
'в доме спала собака' (Marten 2007: 291)

В языках зоны J (например, в хайя), а также в сукума (F21) и сумбва (F23) локативное согласование предикатов всегда осуществляется по 16 классу, независимо от того, к какому локативному классу относится существительное:

(50) a) Aha-kitooke ha-ka-ba ha-li ha-lungi [хайя JE22]
16.LOC-banana 16-PST-be 16-be 16-good
'на банановом дереве было хорошо'

b) Omu-kyaaló hu-ka-bu ha-li ha-lungi
18.LOC-деревня 16CL-PST-быть 16CL-быть 16CL-хороший

‘в деревне было хорошо’

c) Enja yenju ha-ka-ba ha-li ha-lungi

25.LOC.снаружи ASS.дом 16-PST-быть 16-быть 16-хороший

‘снаружи дома было хорошо’ (Trithart 1977: 95)

Согласование по локативным классам функционирует даже в тех языках, где префиксы локативных классов уже не продуктивны, в том числе согласование происходит и с предикатами. Так, в языке суахили глаголы согласуются по одному из трех локативных классов в зависимости от предполагаемого значения:

(51) a) Nyumba-ni ku-na wa-tu w-engi [суахили G42]

9CL.house-LOC 17.SM-быть 2CL-человек 2CL-много

‘в доме много людей’

b) Nyumba-ni pa-na watu wengi

9CL.house-LOC 16.SM-быть 2CL-человек 2CL-много

‘дома много людей’

c) Nyumba-ni m-na watu wengi

9CL.house-LOC 18.SM-быть 2CL-человек 2CL-много

‘в доме много людей’

Локативное объектное согласование представлено в языках банту не так широко как согласование субъектное. Были обнаружены языки без объектных локативных маркеров - лози (K41), часу (G22), йейи (R41), а также языки группы нгуни (S40).

Обобщая вышесказанное, можно резюмировать, что в глагольной морфологии языки банту отличаются способами маркировки объектного и / или субъектного согласования с локативными существительными. Во многих языках банту представлены модели, где локативные существительные согласуются с глаголом по локативному классу. Глагольное согласование также присутствует в языках, где локативные существительные маркируются не префиксами класса, а локативным суффиксом. Субъектное глагольное согласование также широко представлено в конструкциях с локативной инверсией.

2.2.4. Локативная инверсия

Локативная инверсия является довольно распространенным явлением в языках банту. В конструкциях с локативной инверсией глагол оформляется субъектным локативным согласователем, в то время как логический субъект занимает поствербальную позицию. Сопоставление подобных конструкций в разных языках банту позволило выявить несомненное их формальное сходство. Однако заметна значительная семантическая вариативность, связанная, вероятно, с морфологической дифференциацией. Ниже представлены примеры подобных конструкций с локативной инверсией в различных языках банту:

(52) a) ku-mwesu kwa-li-is-a ab-eni [бемба M42]

17-дом.наш SM17-REC.PST-приходить-FV 2-гость

‘в наш дом пришли гости’ (Marten 2007: 277)

b) mw-i-bala mu-le-lim-a ab-eni

18-5-поле SM18-PROG-выращивать-FV 2-гость

‘гости обрабатывают поле’ (Marten 2007: 277)

c) po-ndjuwo p-a-rar-a [гереро R30]

16-9.дом SM16-PST-спать-FV 5-вот

‘в доме спал вор’ (Marten 2006: 113)

d) ko-mu-ti kw-a-pose ozo-ndjimá

17-3-дерево SM17-PST-шуметь 10-обезьяна

‘обезьяны шумели на дереве’ (Marten 2006: 113)

e) mo-ndundu mw-á-vaz-ew-a omu-atjé

18-9.гора SM18-PST-находить-PASS-FV 1-ребенок

‘на горе нашли ребенка’

f) pa-ci-londa pa-ni-um-a u-wila [макве G402]

16-7-рана SM16-PRS.PFV-выходить-FV 11-гной

‘из раны выходит гной.’

g) ku-kaya ku-ya ku-patiken-e atali

17-9.город17.DEM.III SM17-случаться-PRS.PFV 9.опасность

‘в том городе случилось что-то опасное’

h) mu-nyumba mu-nku-ingil-a ma-edí

18-9.дом SM18-PROG-входить-FV 6-вода

‘вода течет в дом’ (Devos 2008: 69-70)

С другой стороны, южные банту демонстрируют несоответствие типичным конструкциям с локативной инверсией, представленным в языках банту. В данных языках исходная локативная клауза выступает не в качестве субъекта, а скорее является топиком. В результате получаются безличные конструкции, в которых место субъектного согласователя занимает префикс 17 локативного класса. Кроме того, в представленном

ниже примере из языка зулу локативный префикс *ku-* синтаксически нейтрален:

(53) *ku-lezi zi-ndlu ku-hlal-a khona aba-ntu aba-dala* [зулу S42]

LOC-10этот 10-дом SM17-жить-FVтам 2-человек 2-старый

‘в этих домах живут старые люди’ (Buell 2007: 113)

Язык тсвана (S31) также характеризуется наличием подобных безличных конструкций:

(54) a) *fa sí-tlharí-ṽ ḡ-ḡ-em-í ba-simaní* [тсвана S31]

там 7-дерево-LOC SM17-стоять-FV 2-мальчик

‘у дерева стоят мальчики’

b) *kó màuiṽ ḡu-tlāa-j-à rōna màriḡà*

там Maung SM17-FUT-идти-FV 1PL зима

‘в Маунг нужно идти зимой’

c) *mó lì-fatshí-ṽ ḡu-ful-á di-qhomṽ*

там 5-страна-LOC SM17-пасти-FV корова

‘в стране пасут коров’ (Creissels 2011: 44)

Локативная инверсия может быть вариативна даже в рамках подгруппы одной языковой зоны. Так, в языках подгруппы P30, чувабу демонстрирует согласование по локативным классам в конструкциях с локативной инверсией, в то время как в языке макува (P31) данная конструкция считается непродуктивной [Guérois 2014: 131]:

(55) *ṽ-púle mu-bara mu-hi-kálá mw-áná-e-námá* [чувабу P34]

18-DEM.III 18-9.море SM18-PFV.DJ-be 1-ребенок-9-животное

‘там в море есть маленькое животное’ (Guérois 2014: 134)

Представляет интерес локативная инверсия в языке зулу. Лестон Буэл [Buell 2007: 112] отмечает, что локативная инверсия в зулу возможна в конструкциях с неаккузативными глаголами, в то время как директивные и транзитивные глаголы в семантической локативной инверсии не используются:

(56) a) A-ba-ntu aba-dala ba-hlal-a ku-lezi zin-dlu.

AUG-2-человек 2.ADJ-старый 2.SM-жить-FV LOC-10.DEM 10-дом
‘старые люди живут в этом доме’

b) Lezi zin-dlu zi-hlal-a a-ba-ntu aba-dala.

10.DEM 10-дом 10.SM-жить-FV AUG-2-человек 2.ADJ-старый
‘старые люди живут в этих домах’ (Buell 2007: 107–108)

Аналогичная ситуация представлена в языке чичева (N31). Однако, мониторинг литературы по локативной инверсии в различных языках банту позволил выявить, что в некоторых языках ситуация противоположна той, что наблюдается в языках, упомянутых ранее. Например, в языке гереро (R30) локативная инверсия в конструкциях с транзитивными глаголами возможна:

(57) Pò-ndjuwó pé-tjáŋ-èr-à òvá-nátje ò-mbàpírà. [гереро R30]

16.LOC-9.дом 16.SM.НАВ-писать-APPL-FV 2-дети 9-письмо
‘дети пишут дома письмо’ (Marten 2006: 115)

Таким образом, локативная инверсия широко представлена в языках банту. Однако, языки банту в значительной степени варьируются во всех

аспектах - от выбора согласовательных моделей до допустимых глаголов в конструкциях с локативной инверсией.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В практической части работы нами был проанализирован материал 47 языков банту, найденный в различных грамматических описаниях: лефо (A15), мокпе (A22), дуала (A24), басаа (A43), бафия (A50), этон (A71), галва (B11c), лумбу (B44), лингала (C30), монго (C60), кикуйю (E51), камба (E55), чага (E62), гого (G11), кагулу (G12), часу (G22), самбаа (G23), бондей (G24), ганда (JE15), макве (G402), мвиини (G412), суахили (G42), маоре (G44b), кеуче (G35), бена (G63), киньяруанда (JD61), хайа (JE22), нгангела (K12), лози (K41), луба-касаи (L31a), санга (L35), бемба (M42), чичева (N31), кувабо (P34), чувабу (P30), макува (P31), ломве (P32), ндонга (K22), гереро (R30), йейи (R41), тсвана (S31), сесото (S33), нгуни (S40), зулу (S42), свати (S44), тонга (S64), теке (T70).

Кроме этого, были составлены мини-корпусы для 8 языков на основе статей из онлайн-энциклопедии «Википедия»: суахили, северный сото, лингала, киньяруанда, кикуйю, луганда, тсвана и сесото.

Результаты анализа показали, что:

1) Языки банту демонстрируют довольно большую вариативность в средствах выражения локативности. Самым распространенным типом языков являются языки с локативными классами. Некоторые языки демонстрируют использование одного или нескольких предлогов, либо наличие локативного суффикса. Кроме того, ряд языков характеризуются использованием нескольких способов выражения локативных отношений;

2) В именной морфологии согласование может быть как с локативным существительным, так и с первоначальным существительным. Ряд языков демонстрирует допустимость выбора согласовательной модели;

3) В глагольной морфологии языки банту отличаются способами маркировки объектного и / или субъектного согласования с локативными существительными. Объектное согласование представлено в языках банту не так широко как согласование субъектное;

4) Языки банту в значительной степени варьируются в вопросах, касающихся выбора согласовательных моделей и допустимых глаголов в конструкциях с локативной инверсией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данной работы являлось сопоставление показателей локативных классов языков банту и выявление их семантики.

Были выполнены основные задачи, поставленные в начале исследования:

1) Была изучена объемная база лингвистических работ, посвященных проблеме локативности;

2) Была дана характеристика языкам банту как языкам с категорией локативности;

3) Был проведен поиск и анализ грамматик и описаний различных языков банту и сформирована эмпирическая база исследования (47 языков банту);

4) Была предпринята попытка проведения сопоставительного анализа показателей локативных классов и их семантики на основе имеющегося эмпирического материала.

Основные результаты могут быть сформулированы следующим образом:

1) Категория локативности является одной из базовых категорий в языках мира. Языки мира демонстрируют широкое разнообразие средств кодирования пространства (семантические, лексические и грамматические), фокусируясь на разных аспектах пространственных отношений и используя принципиально разные системы пространственных координат;

2) В языках банту пространственные отношения выражаются посредством использования локативных классов, предлогов и суффиксов. В зависимости от языковой зоны, вариативны как формальные показатели, так и семантика локативных показателей;

3) Наиболее распространенными являются языки с локативными классами (16, 17 и 18 классы). Семантика локативных классов определяется следующим образом: 16 класс (показатель *pa*) используется для

обозначения в пространстве близких либо находящихся на поверхности объектов, 17 класс (показатель *ku*) используется для объектов неопределенного местоположения, 18 класс (показатель *tu*) используется для указания на местонахождение внутри;

4) В именной морфологии согласование может быть как по локативному классу, так и по классу первоначального существительного. Ряд языков демонстрирует допустимость выбора согласовательной модели;

5) В глагольной морфологии языки банту отличаются способами маркировки объектного и / или субъектного согласования с локативными существительными. Субъектное согласование в языках банту более частотно;

6) На примере языка суахили показано, что на синхронном уровне развития языка наблюдается размытие четкой семантической дифференциации между локативными классами.

Следует отметить, что в свете ограниченности доступа к информантам и отсутствия релевантной исследованию информации у других исследователей сохраняются значительные пробелы в представленном в работе материале. Данные лакуны представляют собой пространство для дальнейшей работы и исследований в рамках данной тематики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 366 с.
2. Арутюнова Н.Д., Шатуновский. Логический анализ языка. Языки пространств. М.: ЛАЯ, 2000. 440 с.
3. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.
4. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 133 с.
5. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: МГУ, 2000. 502 с.
6. Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 626 с.
7. Ганенков Д.С. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2005. 24 с.
8. Громова Н.В., Охотина Н.В. Теоретическая грамматика языка суахили. М.: Наследие, 1995. 318 с.
9. Желтов А.Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 280с.
10. Желтов А.Ю. Объектная индексация в языках банту (суахили и киньяруанда) // Африканский сборник-2009. СПб., 2009. С. 323-331.
11. Жуков А.А. Суахили. Язык и литература. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. 346 с.
12. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006. 440 с.
13. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М., 1970. С. 110- 156.

14. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84-92.
15. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
16. Мазурова Ю.В. Типология средств выражения пространственной локализации (вертикальная ось). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 274 с.
17. Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н. Понятия «пространства» и «расстояния» в семантике некоторых русских и английских предлогов и наречий // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М.: Изд-во ИСИБ РАН, 1993. - С. 166 - 180.
18. Мякшева О.В. Семантическая категория пространства и ее языковое выражение в художественном тексте (синтаксический аспект). // Предложение и слово. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. С. 64-68.
19. Плунгян В.А. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
20. Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации. // Исследования по теории грамматики, вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002. С. 57-98.
21. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. По поводу “локалистской” концепции значения: предлог под // Исследования по семантике предлогов. – М.: Русские словари, 2000. С. 115-133.
22. Поздняков К.И. К типологии именных классификаций. // Исследования по языкам Африки. Сборник статей, посвященный 40-летию отдела африканских языков. Москва, 2006. С. 203-233.
23. Селиверстова О.Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка.- М., 1983. С. 142-150.

24. Скаличка В. О типологии языков банту // Африканское языкознание. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 144-188.
25. Сова Л.З. Эволюция грамматического строя в языках банту. Л.: Наука, 1987. 368 с.
26. Суахили-русский словарь / под ред. Е. Н. Мячиной. М.: «Русский язык», 1987. 696 с.
27. Топорова И.Н. Материалы к описанию фонологических систем языков манде и гвинейской группы в связи // Языки Африки. Вопросы структуры, истории и типологии. М.: Наука, 1966. С. 219— 252.
28. Топорова И.Н. Корреляция классов в языках банту // Именные классы в языках Африки. М.: Русский язык, 1987. С. 5-82.
29. Топорова И.Н. Грамматика и семантика имени в языках с именными классами. М., 1994. 55 с.
30. Amidu, A.A. 1997. The problem of lexical cohesion and lexical structure in Bantu classes // Nordic Journal of African Studies. 1997. 6(1). P. 64-80.
31. Ashton E.O. Swahili grammar (including intonation). London: Longmans, Green and Co, 1944. 398 p.
32. Ashton E. O., Mulira E.M.K. A Luganda grammer. London: Longmans, Green and Co, 1954. 516 p.
33. Ameka, F. K., Levinson, S. C. The typology and semantics of locative predication: Posturals, positionals and other beasts [Электронный ресурс] // URL: http://pubman.mpg.de/pubman/item/escidoc:59551/component/escidoc:59552/Ameka_2007_introduction.pdf (дата обращения 25.05.2017)
34. Atindogbe G.A. A Grammatical Sketch of Mòkpè (Bakweri), Bantu A20. Kyoto University, 2013. 161 p.
35. Bastin Y., Coupeze, A., Mann, M. Continuity and divergence in the Bantu languages: perspectives from a lexicostatistic study. Belgique: MRAC, Tervuren, 1999. 225 p.

36. Batibo H.M. Language decline and death in Africa: Causes, consequences, and challenges. Multilingual Matters. Toronto: Multilingual Matters LTD, 2005. 156 p.
37. Bennardo G. Representing Space in Oceania: culture in language and mind. 2002. 523 p.
38. Bennett P.R. The problem of class in Kikuyu // African language studies. V. 11, 1970. P. 48-59.
39. Bostoen K. Linguistics for the use of African history and the comparative study of Bantu Pottery vocabulary // Antwerp papers in Linguistics. Belgium, 2004. P. 131-154.
40. Bourquin W. Weitere Ur-Bantu-Wortstämme // Afrika und Übersee 38. Berlin, 1953 P. 27– 48.
41. Bruce L.P. The Alamblak Language of Papua New guinea (East Sepik). Canberra: Australian National University, 1984. 543 p.
42. Buell L.C. Semantic and formal locatives: Implications for the Bantu locative inversion typology // SOAS Working Papers in Linguistics 15. Berlin: ZAS, 2007. P. 105-120.
43. Burton M., Kirk L. Semantic Reality of Bantu Noun Classes: The Kikuyu Case // Studies in African Linguistics. 1976. 7(2). P. 157-174
44. Demuth K. Presentational focus and thematic structure in comparative Bantu // Journal of African Languages and Linguistics 18. 1997. P. 1-19.
45. Doke C.M. Bantu: Modern grammatical, phonetical and lexicographical studies since 1860. L.: Lund, Humphries & Co., 1945. 119 p.
46. Devos M. A Grammar of Makwe. München: LINCOM, 2008. 512 p.
47. Dunn M., Margetts A., Sergio M. Four languages from the lower end of the typology of locative predication // Linguistics, vol 45, issue 5/6. 2007. P. 873-892.
48. Ebah L.E. The noun class system of Lefo. Univ. of Yaoundé, 1990. 102p.
49. Essegbey J. The basic locative construction in Gbe and Suriname creoles // Journal of Pidgin and Creole Languages 22(2). 2005. P. 229-267.

50. Etsio E. Parlons teke: langue et culture Congo et Gabon. Paris: L'Harmattan, 1999. 320 p.
51. Fivaz D. 1986. A reference grammar of Oshindonga. Windhoek: The Academy, Univ. of Namibia (UNAM), 1986. 183 p.
52. Githiora C. Gĩkũyũ Orthography: Past and Future Perspectives // Trends in African Linguistics Vol. 6. NJ: Africa World Press, 2003. P. 21-45.
53. Greenberg J.H. Africa as a linguistic area // Continuity and change in African cultures. Chicago: Chicago University Press, 1959. P. 15-27.
54. Geissels Denis. 2011. Tswana locatives and their status in the inversion construction // Africana Linguistica 17, 2011. P. 33-52.
55. Grégoire C. Les locatifs en bantou. Tervuren: Musée royal de l'Afrique Centrale, 1975.
56. Grimes B.F. (ed.). Ethnologue. Dallas. SIL International. 2 vols.
[Электронный ресурс] // <https://www.ethnologue.com> (дата обращения 16.05.2017)
57. Guarisma G. Le nom en bafia: étude syntagme nominal d'une langue bantoue du Cameroun // Etudes Linguistiques et Anthropologiques de France, v. 35- 37. Paris, 1973. 254 p.
58. Guérois R. Locative inversion in Cuwabo // ZAS Papers in Linguistics 57, 2014. P. 49-71.
59. Güldemann T. Head-initial meets head-final: nominal suffixes in eastern and southern Bantu from a historical perspective // Studies in African Linguistics 28 (1), 1999. P. 49-91.
60. Guthrie M. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Westmead: Gregg Press Ltd, 1967-1971. Vol. 1-4.
61. Guthrie M. The classification of the Bantu languages. L., 1948. 91 p.
62. Haddon E.B. Swahili lessons. Cambridge: William Heffer & Sons, 1995. 245 p.

63. Haddon E.B. The locative in Bantu (Baganda) // African studies, v. 10, 1951. P. 97-105.
64. Hellwig B. To sit face down — location and position in Goemai // Linguistics, 45. Köln, 2007. P. 893-916.
65. Hendrikse A.P., Poulos G. A continuum interpretation of the Bantu noun class system // African Linguistic Contributions. Pretoria: Via Afrika, 1992. P. 195-209.
66. Hinskens F. L., van Meel L. Ethnolectal variation in the realization of /z/ by Dutch youngsters. Berlin: Dialektologie und Linguistik, 2014. 297 p.
67. Hoch E. Bemba grammar with exercises. Chinsali: Ilondola Language Centre, 1963. 200 p.
68. Hulstaert G. Supplément à la grammaire lomongo. Etudes Aequatoria, v. 4. Bamanya: Centre Aequatoria, 1988. 128 p.
69. Johnston H.H. A comparative study of the Bantu and Semi-Bantu languages. Oxford: Clarendon Press, 1922. 815 c.
70. Kotz E. Grammatik des Chasu in Deutsch Ost-Afrika (Pare-Gebirge). Berlin: Georg Reimer, 1990. 79 p.
71. Kioko A.N. Theoretical issues in the grammar of Kikamba, a Bantu language. München: Lincom Europa, 2005. 190 p.
72. Kirwan B., Gore, P.A. Elementary Luganda. Kampala: Uganda Bookshop, 1951. 150 p.
73. Levinson S.C. Relativity in spatial conception and description // Rethinking linguistic relativity. Cambridge: Cambridge University Pres, 1996. P. 177-202.
74. Levinson, S.C., Wilkins, D.P. Patterns in the data: Towards a semantic typology of spatial description // Grammars of space: Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 512-552.
75. Lichtenberk F. Grammar of Manam // Oceanic Linguistics Special Publications 18. Honolulu: University of Hawaii Press, 1983. P. 647.

76. Leer J. Directional systems in Athapaskan and Na-Dene // Athapaskan Linguistics: Current Perspectives on a Language Family. Berlin: Eung-Do Cook & Keren Rice, 1989. P. 575-622.
77. Lyonga N.A. The morphology of the noun phrase and the verb phrase in Mokpe in relation to orthography. Univ. of Buea, 2002.
78. Maho J.F. Indices to Bantu languages (an accompanying volume to "The new updated Guthrie list"). Studies in African linguistics, v. 73. Munich: Lincom Europa, 2008. 187 p.
79. Maniacky J. Tonology of Ngangela. Paris: INALCO, 2003. 408 p.
80. Mann M., Dalby D. A thesaurus of African languages. A classified and annotated inventory of the spoken languages of Africa. London: Hans Zell, 1987.
81. Marten L. Locative Inversion in Otjiherero: more on morpho-syntactic variation in Bantu // ZAS Papers in Linguistics 43: 2006. P. 97-122.
82. Marten L. Agreement in locative phrases in Luganda // Proceedings of the 6th World Congress of African Linguistics. Cologne: Rüdiger Köppe, 2012. P. 433-443.
83. Maugham R.C.F. A handbook of the Chi-Makua language. Johannesburg: Adlington & Co., 1898. 39 p.
84. Mchombo S. The syntax of Chichewa. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. 213 p.
85. Meeussen A.E. Bantu Grammatical Reconstruction // Africana Linguistica 3, 1967. P. 79-121.
86. Meinhof C. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik Bantushprachen. Hamburg, 1932. 235 p.
87. Moshi L. Locatives in Kivunjo-Chaga / Theoretical approaches to African linguistics / Ed. by Akinbiyi M. Akinlabí. Trends in African linguistics, v. 1. Trenton NJ: Africa World Press, 1995. p. 129-145.
88. Möhlig, W.J.G., Kavari J.U. Reference grammar of Herero (Otjiherero). Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2008. P. 353.

89. Morrison M. Grammar of Bena. Texas: Houston Press, 2011. 502 p.
90. Menje D. Tone Shift Principles in the Chichewa Verb: A Case for a Tone Lexicon // *Lingua* 72, 1987. P. 169-207.
91. Mugane J. Gikuyu NP morphosyntax // *Language History and Linguistic Description in Africa* / I. Maddieson and T. Hinnebusch (eds.), Vol. 2. Trenton NJ: Africa World Press, 1998. P. 239-248.
92. Mulokozi M. The African Epic Controversy. With Reference to the Enanga Epic Tradition of the Bahaya // *Fabula*, 43(1-2), 2006. P. 4-17.
93. Mwisya M.W. Introduction to Silozi grammar. Lusaka: Kenneth Kaunda Foundation, 1977. 168 p.
94. Petzell M. The Kagulu language of Tanzania: Grammar, texts and vocabulary. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2008.
95. Polomé E.C. Swahili Language Handbook. Washington: Center for Applied Linguistics, 1967. 180 p.
96. Priebusch M. Bena-Hehe-Grammatik. Berlin: Kommissionsverlag der Buchhandlung der Berliner Miss., 1935. 90 s.
97. Rekanga J-P. Le système myene-nkomi // *Les classes nominales et leur sémantisme dans les langues bantu du nord-ouest* / Ed. by Daniel Franck Idiata-Mayombo & others. *Studies in African linguistics*, v. 48. München: Lincom Europa, 2000. P. 61-69.
98. Riedel K. Object Marking in Sambaa // *Linguistics in the Netherlands* / Bettelou Los & Marjo van Koppen (eds.). 2007. P. 199 – 210.
99. Rubben E. Leçons pratiques de lingala. Dison (Belgique): Impr. Disonaise, 1928. 257 p.
100. Senft G. Introduction // *Referring to space - Studies in Austronesian and Papuan languages*. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 1-38.
101. Seidel A. 1904. Die Duala-Sprache in Kamerun: systematisches Wörterverzeichnis und Einführung in die Grammatik. Gaspary-Otto-Sauer. Paris & Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1904. 119 p.

102. Seidel F. 2008. A grammar of Yeyi, a Bantu language of southern Africa. *Grammatische Analysen afrikanischer Sprachen*, v. 33. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2008. 464 s.
103. Svorou S. *The Grammar of Space*. Amsterdam: Benjamins, 1993. 290 p.
104. Spuy A. Dislocated noun phrases in Nguni / *Lingua*, v. 90, 1993. P. 335-355.
105. Stappers L. *Tonologische bijdrage tot de studie van het werkwoord in het Tshiluba*. Bruxelles: G. van Campenhout, 1949. 320 p.
106. Stuart P.A. 1932. *A Zulu grammar for beginners*. 3rd edition. Pietermaritzburg: Shuter & Shooter, 1932. 157 p.
107. Talmy L. How language structures space // *Spatial orientation: theory, research, and application* / H. Pick, L. Acredolo (eds.). New York: Plenum Press, 1983. P. 225-282.
108. Trithart L. Causatives and instrumentals // Byarushengo et al, 1977. P. 73-88.
109. Vansina J. New linguistic evidence on the expansion of Bantu // *Journal of African History* 36, 1995. P. 173–195.
110. Van de Velde M. L. O. *A Grammar of Eton*. Picus Sizhi Ding: University of Hong Kong, 2008. 371 p.
111. Vandermeiren J. *Grammaire de la langue kiluba-hemba, telle qu'elle est parlée par les baluba de l'est, Katanga*. Bruxelles: Min. des Colonies, Belgique, 1912. 302 p.
112. Vedder H.H. *Einführung in die Hererosprache*. Okahandja: Rheinische Miss.-Ges., 1958. 144 p.
113. Watkins M.H. *A grammar of Chichewa: a Bantu language of British Central Africa*. Philadelphia: Linguistic Soc. of America, 1937. 158 p.
114. Williamson K., Blench R. Niger–Congo // *African Languages – An Introduction* / Heine, Bernd and Nurse, Derek (eds). Cambridge: Cambridge University press, 2000. P. 11–42.
115. Wilson P.M. *Simplified Swahili*. London: Longman, 1985. 319 p.
116. Whiteley W.H. *Language in Kenya*. Nairobi: Oxford University Press, 1974.

117. Zeller J., Ngoboka J.P. On parametric variation in Bantu, with particular reference to Kinyarwanda // Transactions of the Philological Society, 2. Somerville: Cascadilla Press, 2015. P. 206–231
118. Ziervogel D. Note on the noun classes of Swati and Nrebele // African studies, v. 7, 2/3, 1948. P. 59- 70.
119. Zorc R. Kinyarwanda and Kirundi comparative grammar. Springfield: Dunwoody Press, 2007. 200 p.

Список глосс

1 первое лицо
2 второе лицо
3 третье лицо
APPL аппликатив
ASP аспект
AUG аугмент
CAUS каузатив
CL именной класс
COP копула
DEF определенный артикль
DEM указательное местоимение
DET определяющее слово
FOC фокус
FV конечный гласный
FUT будущее время
HAB хабитуалис
INF инфинитив
INST инструмент
IMP императив
LOC локатив
NEG отрицание
NOMZ субстантив
OBJ объект
OPT оптатив
PASS пассив
PL множественное число
POSS посессив
PP

PRESUP

PRON местоимение

PPRON личное местоимение

PRF перфект

PRS настоящее время

PST прошедшее время

PREP предлог

RECP реципрок

REL релятив

SBJ субъект

SG единственное число

STAT статив

TAM видо-временной показатель

TAX таксис

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
КАТЕГОРИЯ ЛОКАТИВНОСТИ В ЯЗЫКАХ БАНТУ

Магистрант

С.А. Шатохина

Научный руководитель

канд. филол.наук,
С.Б. Белецкий

Нормоконтролер

О.Н. Варламова

Красноярск 2017